

A night photograph of a large, ornate stone building, likely a clock tower or a historical monument, illuminated by streetlights. The building features a prominent clock face and a classical-style upper section with columns. A person in a yellow jacket stands in the foreground, looking towards the building. The sky is dark with some clouds, and a traffic light is visible on the right side of the frame.

Михаил Куканов

ГОРОД И ГОРЫ

История молодого ученого

Михаил Куканов

**Город и горы. История
молодого ученого**

«Издательские решения»

Куканов М.

Город и горы. История молодого ученого / М. Куканов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530608-1

В романе описывается история юноши Армана, который в условиях крайней бедности, находясь в отдаленной местности гор Армении, пытается справиться с жизненными трудностями. Его страсть к геодезии — единственное, что спасает его от суровой реальности. Его стремление написать научный труд по геодезии приобретает реальную основу в самые трудные дни его жизни. Он пытается справиться со всеми жизненными перипетиями и пишет свой большой труд.

ISBN 978-5-00-530608-1

© Куканов М.
© Издательские решения

Город и горы

История молодого ученого

Михаил Куканов

© Михаил Куканов, 2021

ISBN 978-5-0053-0608-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГОРОД И ГОРЫ

ГЛАВА 1

В начале тёплого лета зеленеющая трава колыхалась на бескрайних просторах полей южной Армении. Природа пела человеку на незнакомом языке, как будто плясала под дудочку мудрого армянского старца. Напившись коньяка, он танцевал в веселом угаре, а все вокруг блистало под лучезарным солнечным светом, давая армянским глазам покой и умиротворение.

В день, когда ночь сдвинулась на час и подарила свету дополнительное место в сутках, поднялся небольшой ветерок, окутывающий всю долину и, кажется, доходящий до самой вершины величественной горы Арарат. Он полз медленно, как бы поглаживая сырую землю и зеленые острые кончики полевой травы, бежал дальше вдоль длинных пешеходных дорог, приближаясь к горе, наклонял стебельки араратской пшеницы и уже у горы обдувал желтые листики лилий, таких лучезарных, доверившихся солнцу, цветов. Там он начинал свое восхождение на гору слез, поднимаясь все выше. Через каждую тысячу метров ветерок терял себя и в конце, на самой вершине исчезал, соединяясь с сильными воздушными потоками, диктующими климатические условия на территориях Армении и ее соседей.

Разливаясь в стороны, река Касах повиновалась маленькому ветерку. Как вода камень точит, так и ветерок направляет течение реки. Долгие годы он дул именно так, как дует сейчас и направлял течение реки так, как оно движется в данный момент. Маленькими и большими ручейками руководил ветер и тем самым двигал течение туда, где в нем нуждались армяне. Ручейки реки Касах протекали через небольшие деревушки с числом жителей не более ста человек. Там они были жизненно важным источником неиссякаемой природной жидкости, которая дарована человеку господом и переведена в армянские деревушки ветерком по его приказу.

В долине можно услышать, как вода движется в устье реки, как обступает большие булыжники, как с брызгами взмывает вверх, но стоит отойти на сто метров вдаль и уже ничего не будет слышно. Полная тишина полей вокруг гигантской горы обволакивает и засасывает все живое, вынуждая птиц лететь в тишине. Здесь можно встретить быструю, в цвет скалистого грунта ворону, летающую в поисках еды, или вдалеке увидеть большого грифа-падальщика, наблюдающего за маленькими птицами, вроде воробьев или гагарок. Все они мирно существуют в пространстве полей и горных хребтов, окружающих Армению. Тихо живут, не видя городов, а лишь бескрайние просторы дикой природы, на которых кое-где проглядываются крыши одноэтажных домов, построенных очень давно и в совокупности именуемых деревенской местностью. Чаще всего птицы пролетают незаметно для жителей деревень. Однако бывает и такое, что они останавливаются, заранее зная, что найдут в деревне еду. Но такие птицы вряд ли понимают, что есть риск самим стать едой горного народа. Они тихонько под-

летают к крыше какого-нибудь старенького дома, садятся на уголок и прислушиваются ко всем звукам, которые слышны в округе.

Так в старую деревню, расположившуюся у реки Касах, рядом с границей Турции, залетел молодой черный гриф и сел на крышу обветшалого дома в надежде раздобыть небольшое количество еды. Он учуял запах печёного хлеба, исходящий от окна землянки.

Из дома вся в муке, с красными руками вышла темноволосая, смуглокожая старушка. Она вдохнула свежий воздух и увидела грифа, сидящего на крыше.

– Кыш отсюда, убирайся прочь, несчастный, – прокричала старушка, размахивая руками. Устав прогонять птицу, она сложила руки на пояс.

– Что делается, что делается! – восклицала она – теперь к нам и грифы летать начали. Самим есть нечего, а они последнюю корку норовят выкрасть. Кыш, зараза, нет здесь ничего для тебя!

Гриф с умным видом посмотрел на старуху, взмахнул крыльями и направился прочь от деревни.

– Пошел, пошел отсюда, троглодит!

– Да что ты все ругаешься и ругаешься, Арусь? Пожалуй, опять гриф прилетел? – отозвался старый мужчина, плетущийся с большой тележкой, набитой арбузами.

– Явился, не запылелся, старый ты труженик! За столько лет совместного житья уже мог бы и привыкнуть ко мне. Ты погляди, опять арбузы домой тащит, а мяса не было там, где ты арбузы взял?

– Тебе еще и мяса подавай! Скажи спасибо, что три спелых ягоды нашел! – сказал старик, завозя тележку все выше на холм к своему дому.

Старая женщина ничего не ответила, а лишь с любовью посмотрела на своего мужа.

Старик поднял тележку на холм и поставил ее у дома, рядом с входной дверью.

– Арусь, ой, спина болит! Налей-ка чаю, попью, а потом примусь разгружать арбузы. Этого на месяц хватит, голодать не придется.

– Ну что же мы одни арбузы есть будем? – спросила Арусь, ставя на огонь старой печки воду для чая, – я хлеб испекла свеженький, на его запах гриф тот и прилетел.

– Что же ты его не поймала? – сказал старик, посмеиваясь, – суп бы потом сварили.

– Это уж твое дело птиц ловить. Сходи и скажи лучше мальчишке из соседнего дома – Арману, пусть птицу нам словит, а мы ему за это куска хлеба не пожалеем.

– С дуба что ли рухнула, старуха! Какую птицу? Юноше за девочками бегать охота, а ты ему птицу, да птицу! Кстати, а где наша Наргиз-то? Пожалуй, с мальчишками гуляет по полям?

– Да нет, дедуля! Наша на реку пошла белье стирать. Что-то ее правда давно не видно. Надо бы проверить, – сказала Арусь, сняв крышку с чугунного чайника. Старуха поднесла большую чашку и налила в нее кипяток, покрошила чабреца и на блюдечко вывалила свежего мацуна.

– Держи дед, чай и творог. Благо я еще мацун готовлю, а то руки потихоньку слушаться перестают. Видишь какие красные!

Старик отхлебнул немножко горного чаю. Он не стал торопиться с ответом и немного помолчал, уставившись в дальнее окно землянки. Ложечкой он съел немного мацуна и, глубоко вдохнув воздух, сказал:

– Знаешь, что бабка, руки твои золотые, потому что опыту накоплено немерено, не хай себя понапрасну.

– Может быть и так, – сказала Арусь, садясь рядышком, – однако какая от него польза, когда руки трясутся.

Они оба задумались и через несколько секунд уже смотрели в единственное окошко. Смотрели они на зеленое поле, да на баранов своих одомашненных, чьи рога еле виделись за окном. Блеяли они на редкость громко. Пора было кормить животных, и старик это пони-

мал. Еще с тележкой в руках, он думал о том, что не придётся ему отдыхать вторую половину дня. Бараны не дадут. Привередливые животные, то им не это и это не так. А если их как-то заденешь, так они вообще убить могут, ну если не убить, то с ног свалить горазды.

– Пора баранов выгуливать. Арусь, завтра зарежу одного, супа приготовишь и Наргиз накормишь досыта. А пока нужно их хорошенько покормить. Что посеешь, то и пожнешь, как говорится.

Он поставил чай и блюдечко с мацуном на печку, попрощался с Арусь, поцеловав ее в лоб, и направился к баранам.

Старик вышел на улицу и повёл отару на кормежку в открытое поле. Через десять минут, наблюдавшая за ними Арусь, потеряла мужа и стадо из виду.

Дед выглядел уставшим. Его большие седые усы покрывали всю верхнюю губу. Можно было лишь догадываться, улыбается он или грустит. Нос прямой и ровный, но огрубевший от старости будто говорил, что не только армянская кровь течёт в его жилах. Однако темные глаза, ближе к карим, никого не заставляли сомневаться в том, что он по национальности армянин. На голове у деда сидела декоративная черная шапочка, как у помощника попа, такая невзрачная, а из-под головного убора в разные стороны лезли седые пышные кудри. Надетая утром кожаная жилетка была довольно просторной и хорошо на нем сидела, однако облезлой и старой была. Брюки и потертые сапоги ничем не выделялись, но сам дед говаривал: «Я в этой одежде хожу столько... Да столько не живут, сколько я хожу в этой одежде».

Дед шел спокойно, опираясь на небольшую трость. Дорога была дальняя. Его путь лежал через холмы к зеленому полю. Старик и стадо шли медленно, нерасторопно. Солнце пекло головы, однако это не мешало продвигаться по крутым холмам вплоть до начала бескрайнего поля.

По пути к пастбищу можно было увидеть многое, но только не баранам. Их глаза, расположенные по бокам, не могли смотреть, вдаль, а лишь фиксировали то, что расположено справа и слева от себя, и то довольно редко. В основном, наклонив голову, бараны следовали за своим пастухом, смотря под ноги на траву и цветы. Они не заметили перемены, когда под копытами появилась не только трава, но и красные маки.

Дед плёлся впереди и нередко засыпал во время ходьбы. Но он тут же просыпался и продолжал идти вперед. Отставшие бараны вынуждали его останавливать всех остальных. Пока стадо стояло, он шел в самый его конец и лупил отставших животных своей тростью. Это быстро приводило баранов в чувства, и они с громким блеянием снова примыкали к стаду и уже не отставали.

Зайдя на маковое поле, дед решил, что надо ускорить шаг и пойти быстрее, ведя за собой стадо. Если бы какой-нибудь баран снова отстал, он не стал бы останавливать все стадо из-за страха, что животные здесь заснут. Они довольно быстро двигались через маковое поле, но дед все же успевал насладиться прекрасным видом цветов.

Красота макового поля была просто волшебна, очаровательна и очень привлекательна для уставших путников. Дед, прожжённый жизнью, знающий, как опасен дурман мака, желал бы прилечь посреди поля. Хотел раскинуть руки, положить рядом трость и заснуть от усталости, которая пришла после разгрузки тяжелых арбузов. Но он не стал этого делать.

Прежде чем благополучно пересечь маковое поле, старик все же любовался красотой тысяч красных бутонов и тем, как на фоне зелёных холмов они выделяются, будто кровь на поле брани.

Он видел, как большой полосатый шмель присел на бутон, заполз внутрь и стал опылять цветок. Один из баранов, заметивший резкое исчезновение шмеля в бутоне, решил толкнуть его своим носом. Дед ударил барана тростью по голове, но это не спасло беднягу от гнева толстого насекомого. Вылетевший из красного цветка ошарашенный шмель напал на барана,

и тот, не зная куда ему деваться, побежал внутрь стада, чтобы укрыться от обидчика. К счастью, это его спасло, и шмель, по обыкновению не злопамятный, улетел искать новый бутон.

Маковое поле закончилось и снова потянулись холмы. Зеленого луга еще не было видно. Поднимаясь на холмы и опираясь на трость, дед кричал, но не останавливался. Ведь если он прервет движение, то остановку сделает и все стадо, которое уже сложно будет привести в движение. Поэтому он шел, несмотря на усталость и возраст.

Горный воздух всю жизнь предавал сил. Вот и сейчас, вдохнув поглубже, старик почувствовал, как он дает ему силы идти вперед, забираться на холмы и вести за собой стадо несмышлёных баранов, которые понимают только язык палки. Они шли за ним, постоянно отвлекаясь на все, что могло встретиться на полях Армении. Будь то насекомые, маленькие птички или же дикие животные, прятавшиеся далеко в лесу, бараны всегда отвлекались на них, но потом снова опускали взгляд на траву.

Все время их долгого похода вдалеке была отчетлива видна гора Арарат. Она, как маяк, для потерявшихся суденышек, как путеводная звезда для капитанов кораблей, как жизненная цель одного великого человека, была для армян всем. Весь народ, также, как и дед, идущий в полях со своим стадом, скорбел по утраченной давным-давно святыне армянского народа.

Пока шел, он смотрел вперед и еле сдерживал свои слезы, порой не веря, что некогда армянская гора стала турецкой. Но армянский народ говорил: «Она наша, потому что в наших сердцах». Дед был того же мнения. Проживая всю жизнь в одной деревне, старик не раз заглядывался на великую громадину, особенный символ армянской нации. Будучи еще ребёнком, он смотрел на гору Арарат с благоговением. Подростком бежал к ней после ссоры с родителями, прекрасно осознавая, что не сможет подбежать вплотную. Мужчиной шел к горе праздновать свадьбу, а отцом водил сына к горе, перед его уходом в армию. После смерти сына плакал в полях, думая об осиротевшей внучке и все смотрел на заходящее солнце, и на гору Арарат, которая всю его жизнь была рядом, совсем близко и все-таки далеко.

Позже он водил любимую внучку Наргиз, маленькую, еще совсем несмышленную, повидавшуюся со старым другом, духом Арарата. И вот сейчас он зашел со своим стадом на ровнехонькое зеленое поле и присел на траву, чтобы снова встретиться с ней – великой горой Армении.

С начала дед сидел тихонько и ничего не говорил, но как только стадо начало разбредаться по полю, он внезапно громко закричал. Этот клич понимали все бараны. Они медленно сгруппировались и не отходили слишком далеко от своего пастуха. Паслись бараны всегда близко и слишком сильно не разбредались.

Дед усаживался на траву по-турецки, бросал рядом с собой трость и на правую руку клал уставшую голову. Глаза его то открывались, то закрывались, а голова висела будто в невесомости. А если старик все же засыпал, то стадо довольно быстро разбредалось. После заката он вставал и звал своих баранов. Они прибегают на клик, привыкли, иначе чувят, что палки им не избежать, вот и бегут обратно к деду.

Но на этот раз дед уснул довольно крепко. Однако проснулся не в сумерках, как обычно, а еще когда было светло. Сон его прервал довольно подозрительный стук. Сильный такой, как будто бараны начали бодаться между собой. А потом услышал болезненный крик. Старик как ополоумевший, подскочил и побежал туда, откуда раздавались звуки. Еще издали дед увидел человека, лежавшего на траве и барана злого рядом с ним. Окликнул пастух животное, тот испугался и побежал к стаду. Подбежав, он увидел, что лежит соседский мальчишка, Арман.

– Вот те на! – воскликнул он и замер в недоумении.

(Обзор со стороны Армана)

Встал Арман очень рано. Так рано, что даже сам удивился. Солнце уже взошло, однако деревня еще спала. Маленькое окошко той части дома, где располагалась комнатка Армана, закрытая от глаз остального семейства лишь большим книжным шкафом, пронизывала через себя яркие солнечные лучи. Солнце било по глазам юноше своим ярким светом несколько

минут, и он не решался их открыть. С закрытыми глазами Арман лежал на своей кровати, но уже не спал. Он не думал ни о чем, а просто наслаждался утренним пробуждением, мягкой подушкой и предвкушением нового дня.

Он встал с кровати через полчаса после того, как проснулся. За это время он уже успел несколько раз перевернуться с бока на бок, поменять решение о продолжении сладкого сна, посмотреть в окно на голубое чистое небо, а также протереть глаза, запустить пальцы в волосы и почесать голову. К этому времени уже встала его мать. Он представил, как сейчас, пойдет на кухню, покушает приготовленное матерью блюдо. Он уже точно знал, что потом родительница пошлёт его в поля за травами для супа из баранины. «Бедный баранчик, – подумал Арман, сидя на своей кровати, – Сосед нам его с облегчением продал, но сам прекрасно знал, что папа барана зарубит. Теперь есть его будем».

– Тьфу, живодеры! – сказал Арман вслух, да так громко, что сам не ожидал.

«Только бы мама не услышала, а то супа мне точно не достанется», – про себя подумал юноша.

Арман был обычным деревенским мальчишкой, семнадцати годов отроду. С утра он выглядел помятым. Его короткие растрепанные волосы напоминали рога. Глаза темно-карие, черный волос и брови густые не по возраст. Однако нос как будто совсем не от горных народов достался, ровный и красивый он был.

Он натянул на себя старые потертые, ничем не примечательные брюки, накиннул архалук, то же весь потрёпанный и рваный, доставшийся ему от прадеда. Хотя мать и штопала одежду, выглядела она небрежно, однако Армана это не смущало. В далекой деревне все дети и те, что по богаче – с козлами, козами и коровами, и те, что победнее – с одним лишь бараном, одевались одинаково.

Свой старый архалук прикрыл и обвязал талию темным кожаным ремнём, таким толстым, что сразу можно было догадаться – самодельная вещь, не иначе. Он надел сандалии, но решил все-таки не торопиться выходить из комнаты, а еще немного посидеть и помечтать.

Рядом с его кроватью находилась небольшая коробочка из-под арбузов. На ночь он прятал ее под кровать, а вставая первым делом доставал ее оттуда.

Арман сел на край кровати рядом с коробочкой и заглянул в нее. Обычная коробочка, в которой лежала куча завязанных у горлышка мешочков, а также большая старая книга с надписью «Атлас». Однако первые две буквы стёрлись за долгие годы хранения в библиотеке. Досталась книга юноше не самым законным путём.

Тогда библиотека еще работала. Арман был совсем ребёнком и очень часто туда забегал. Но вскоре ее закрыли. Это случилось по нескольким причинам: не кому было работать и поддерживать порядок. Большинство книжек разворовали люди с деревни.

Но во времена еще функционирующей библиотеки там хранилось много книг. Как-то раз, ночью Арман возвращался домой, было совсем темно. И юноша решился тайно туда пролезть. Он страшно боялся попасться. Старый дед ворчун, заведовавший библиотекой, всегда ходил с большой палкой. Дети знали, зачем ему нужна эта палка. Но когда пытались рассказать об этом родителям, они не верили и насмешливо отмахивались. Однако Арман видел все своими глазами и не хотел получить палкой по голове, как баран из стада старика.

Он тихонько залез через заднее окно в библиотеку и в темноте, на память, добрался до старого атласа. Арман украл его и с тех пор каждый день изучал, лежа на своей кровати.

Он аккуратно высунул книгу из коробочки и положил ее на кровать. От корки до корки она была изучена им. Страны, города, острова все это он мог прочитать с закрытыми глазами. География была его страстью еще с детства. Даже сейчас, в тысячный раз, открывая книгу, он с вожделением вглядывался в первую попавшуюся карту. В один день это могла быть Новая Гвинея, во второй – Япония, а на третий он все-таки открывал карту родной земли и изучал местность, на которой живет вот уже восемнадцатый год.

Под книгой лежало несколько десятков маленьких мешочков с землей. Арман долгое время собирал ее. В одном мешочке хранилась земля с поля, в другом – горная земля, в третьем – речная, в четвёртом мглистая или лесная, в пятом мешочке была земля, которую юноша достал из полутораметровой ямы, в шестом мешочке мог лежать песок или другая земля.

Был один мешочек, который ему пришлось, потом выкинуть. Однажды Арман принял за землю овечий помет. Он аккуратно сложил его в свой фирменный мешочек и кинул в коробку. Наутро ему нужно было проверить землю и узнать, что с ней стало за ночь. Армана сразу сбил странный запах. Чтобы отыскать его источник, ему потребовалось около часа. Раскрывая все мешочки, молодой армянин совершенно случайно наткнулся на тот, в котором был тот самый помет. Ему пришлось выкинуть и мешочек тоже. Он до сих пор помнил этот неприятный инцидент и каждый раз, когда заглядывал в коробку, посмеивался в душе над самим собой.

Арман лёг на живот и раскрыл перед собой атлас. Облокотившись на локти, он стал листать книжку, просматривая и прочитывая в очередной раз те страны, территории и народности, которые забывал чаще всего.

На окно сел маленький воробей. Он стал тихонько постукивать в стекло своим клювиком. Юноша ненадолго отвлекся от чтения и стукнул кулаком по стеклу. Стук был достаточно громким и мать с кухни это услышала.

– Арман, ты уже встал? – послышался тревожный вопрос.

Арман не ответил, он хотел казаться спящим. Однако воробей сел во второй раз и снова стал стучать клювом по стеклу. Теперь Арман не мог позволить себе как следует стукнуть, чтобы воробей исчез, но читать он тоже уже не мог. Да и желудок уже отзывался. Юноше хотелось есть. Поэтому, все обдумав, Арман отложил атлас и пошел на кухню завтракать.

Он прошел коридор и увидел маму на кухне. Она важно стояла и кидала ломаные дрова в печь. Арман тихонечко прошел к столу и сел. На его лице виднелся оттенок стыда, однако ни словами, ни какими-либо действиями он этого не показал. Женщина повернулась к нему.

– Есть будешь?

– Да, – ответил Арман, – может быть еще дрова нужны?

– Нет пока, но к вечеру потребуются.

Его мать еще несколько минут топила печь, легкими движениями подбрасывая внутрь куски дров, потом вышла на улицу и захлопнула дверь.

Арман сидел за столом и ждал. Как всегда, все что сделано с утра захватывает голову на весь оставшийся день. Юноша думал о странах и земле, на которой они расположены. В его голове проскакивали мысли о том, где сегодня можно было бы найти такую землю, чтобы она отличалась от остальной, собранной им раньше. Ему все чаще приходила в голову мысль поехать на велосипеде через границу, подъехать к Арарату и взять немного земли с этой величественной горы. Он бы остановился у ее подножия, кинул велосипед и быстренько побежал собирать землю для своей коллекции. Горная земля его очень интересовала. Его давней мечтой было раскопать трехметровую яму рядом с Араратом и посмотреть, как изменяется слой горной породы под землей. Жалко, что это было невозможно. Он думал о том, что, не раз подъезжая к границе, видел, как солдаты снуют туда-сюда, следя за порядком. Арман видел их издали, но, когда они его замечали, мигом садился на велосипед и ехал обратно, опасаясь, что солдаты выстрелят в спину. Жутким был тот момент, когда он, мчась на старом, почти сломанном велосипеде, представлял себе, как падает с него, получая выстрел в спину. Уже дома он успокаивался и обязательно бежал к себе в комнату разглядывать атлас.

Мама зашла на кухню через дверь с большой глиняной бадьей в руках. Арману снова стало не по себе, и когда он уже решил помочь, женщина сказала:

– Донесу. Сейчас кюфты тебе налью родной. Есть будешь!

– Это тот бедный баран, которого нам подарил дед Арсен? – спросил юноша, когда мать с грохотом поставила бадью на стол.

– Он, а что? Жалко?

– Немного.

– Эх, мой мальчик, что баранов то жалеть? Людей надо жалеть. Вон, твой дед, например, погиб во время войны, а ради чего?

– Знаю, – сказал Арман с тоской в голосе

– Сейчас разогрею, печка уже горячая.

Она взяла глиняную тарелку, чуть наклонила бадью над ней, налила суп и поставила его греться с помощью совка.

– Скоро все наши тарелки потрескаются, и останется только хлебать из ведра.

– Пусть Лусине сделает нам тарелки!

– А ты что будешь делать? Есть только? – пошутила мать и так рассмеялась, что Арману самому смешно стало.

– Лусине, иди завтракать! – прокричала она, немного успокоившись.

– Она как убитая спит, я сейчас разбужу!

И юноша побежал в комнату к сестре. С кухни было слышно, как он ее будит. Детский крик и много недовольства со стороны маленькой Лусине услышала женщина с кухни.

– Лусине, слушай брата, иди скорее кушать!

Арман вернулся на кухню и сел за стол, в ожидании супа. Мать взяла совок, достала из печи суп и подала к столу.

– Ешь сыночка, не подавись – сказала мама, посмеиваясь и глядя на Армана.

– Мам, хватит, я же сегодня пойду за травами.

– Пойдешь, куда же ты денешься. О, а вот и милочка пришла, садись.

На кухню, растирая заспанные глаза, зашла маленькая Лусине, уже одетая. Она села за стол рядом с братом.

– Лусине, иди к ручью, умойся хорошенько и приходи.

Девятилетняя девочка, не сказав ни слова, встала со стула, открыла дверь и пошла к речке умываться. Арман повернулся к окну и стал наблюдать за тем, как Лусине идет к ручью. На улице никого не было. Ветер дул не сильно. Лусине села на коленки и опустила руки в воду. Она не умывалась, а мотала руками по воде.

– Мам, да она дурачится, – сказал Арман, чтобы перевести разговор с себя на сестру.

– Пусть мается, ей еще можно, а вот ты должен работать.

Юноша нахмурился и продолжил есть суп. Лусине умылась и пришла обратно на кухню. За это время мать успела поставить еще одну тарелку суп в печку и погреть его, так, чтобы было приятно его есть. Не слишком горячо. Она знала, что Лусине пожалуется на то, что суп слишком горячий и не станет его кушать, даже если сильно проголодалась.

Лусине села за стол. Мама поставила суп перед дочерью и та, отхлебнув немного мясного бульона, принялась за трапезу.

Во время еды Лусине ни о чем не думала, возраст не позволял, в то время, как ее брат полностью погрузился в свои мысли. И мысли эти были совсем безрадостными.

Он вспоминал деда. Точнее вспоминал ту единственную встречу, когда дед приезжал с войны навестить семью. Арману тогда было всего три года. Дедушка был в весёлом расположении духа. Пил, пел, плясал, как будто знал, что война скоро закончится. В этом он оказался прав. Однако дед не знал того, что не доживёт до ее окончания. Как рассказывал отец, вернувшись на фронт, дед пошел с ротой в очередную атаку и погиб, как герой. Однако Арман так не думал. Он считал, что на войну идут не герои. Ему казалось, что там воюют только дураки. Те, кому своя жизнь недорога. А насчет деда он знал только одно, тот был не дурак, но смысла в его уходе на фронт было меньше, чем в зеленом листе Кохи (Сосна Коха – армянская). В своих

размышлениях Арман не заметил, как остался на кухне совсем один. Мать унесла остатки супа в схрон. Она поставила бадью в большую яму, вырытую во дворе и пошла вдоль ручья на реку стирать белье. Когда женщина ушла, Лусине оставила часть супа и убежала к себе в комнату играть в игрушки, которые привёз ей отец из города. Занятый своими мыслями Арман не сразу заметил, как его сестра вышла из-за стола, оставив суп не доеденным. Увидев это, юноша разозлился.

– Лусине, если мама увидит, она тебя накажет! – прокричал он, – быстро иди, доедай! Иначе всё расскажу и тебе мало не покажется.

– Вечно ябедничаешь на меня, – проговорила Лусине, лениво выходя из своей комнаты. Она снова села за стол, взяла ложку, наполнила ее и вылила обратно, продела то же самое еще несколько раз.

– Быстро доедай, я сказал! – проговорил Арман строго. Лусине начала есть. Она недовольно ела суп, постоянно поглядывая на брата. Он уже доел и следил только за тем, чтобы доела и сестра.

– Все, – сказал девочка, отодвигая от себя тарелку.

– Не кидай ложку в тарелку, а клади аккуратно.

– Вечно ты ругаешься и всех обижаешь! – выпалила она, выходя из-за стола, и побежала к себе в комнату играть в ненавистные так ее брату игрушки. Арман пошел во двор. На улице было жарко, хотя дул ветер. Юноша пошел за дом и достал из мешка с огородными приспособлениями небольшую лопату. Взяв ее вместе с мешком, он пошел на юг, там, где поверх зеленого поля виднелась гора Арарат. Арман любил идти и смотреть на гору. Он любил дорогу, по которой каждый раз выходил к холмам. Изю дня в день мальчик отправлялся в путешествие по этой дороге к засеянным угольям, к небольшим лесистым местностям, проходя по сухой земле вдоль протоптанных путниками и им самим тропинок. Чтобы спуститься с нагорья, на котором располагалась деревня, ему приходилось идти вдоль извилистой дорожки через каменные глыбы, вросшие в землю. Когда он уже спустился, его окликнула мать.

– Куда ты? – спросила она, не подозревая что ее вопрос плохо слышен из-за ветра.

– К горе, – прокричал Арман, но мать его не услышала. Он ответил так лишь для того, чтобы скрыть истинную цель своего похода. К ближайшей точке гористой местности он даже близко боялся подходить. Арман положил лопату в мешок. Освободив правую руку, он стал поглаживать каменные глыбы, понимая их ценность как никто другой. Миллионы лет камни образовывались, рассыпались в песок, а железо, руда, золото оставались невредимыми. Потом их захватывала земля и они снова превращались в камни и глыбы, образованные вулканическим путём и обрушением древних гор. Арман не знал, как были образованы, но знал, что они бесценны, как все вокруг, и бессмертны, как ничто другое. Он пошел дальше спокойно, не обращая внимания на ветер. Гористая местность, состоящая из песка, камней и глыб закончилась, и теперь ноги ступали по траве. Впереди виднелся холм. Мелкими шарообразными кустарниками казались деревья на холме издали. Арман прогуливался по знакомой тропинке. Он знал здесь каждый кустик, каждое деревцо, каждый холм. Любил, когда пасут овец или коз. Но больше ему нравилось, когда проходил дождь, и трава становилась мокрой, а на небе плыли остатки туч, закрывая солнце. Пасмурная, но такая благодатная погода. Глядя на усиливающийся ветер, он ожидал такую погоду в ближайшие несколько часов. Однако хотел успеть просмотреть до дождя один дальний участок земли. Арман полагал, что двух километрах от деревни, в небольшом лесочке, где обитали дикие животные, в том числе кабаны и коварные грифы, скрываясь за кустарниками и за двухметровой толщей земли, располагаются некрупные залежи меди. Древние холмы, в прошлом возможно похожие на горы, навевали Арману мысль о заточенных в горных породах самородков еще не добытой меди, о которой никто ничего не знает. Рассказы местных стариков о близлежащих лесах, которые еще сто лет назад не существовали, заинтересовали Армана, а юношеская наивность подвигла на поиски

полезных ископаемых. Арман понимал, что возможно не удастся найти ничего из того, что себе придумал. Ни железа, ни цинка, ничего, а уж тем более золота. Но медь, он так много о ней читал в книгах по геологии, которые ему, к счастью, не пришлось воровать из библиотеки. Они лежали на полках шкафа в одном из классов местной школы, в которой Арман обучался. Юноша предполагал, что найденные им куски земли, раскопанные на двухметровой глубине, могут иметь лишь однопроцентное содержание меди от всей массы, а возможно вообще он не найдет в них ни единой медной крупинки. Однако он был намерен выяснить, есть ли в том лесу медь или нет. Вязаный мешок, какой обычно используют для хранения картофеля, он предполагал использовать не только для сбора земляных образцов, но и в качестве сита для слишком мелких песочных крупиц и лишней земли. Арман подошел к холму и стал медленно взбираться на него. Лопату он вскинул на плечо, а мешок скомкал и зажал в кулаке. Привычная дорога, порой сворачивала в такие дебри, что Арману во время прогулок внимательно отслеживал свой путь. Но великая гора выводила его на правильную тропу, и он снова смело шагал вперед. Сейчас он никуда не сворачивал и шел по той дороге, которая была ему хорошо знакома. Он знал куда она ведет и как меняется ландшафт на пути. Где располагаются холмы, которые можно безопасно обойти или где длинные, неровные холмики. На них лучше взобраться, чтобы не потеряться в поисках обходного пути. Ветер утих и Армана это немного расстроило. Ненадолго солнце зашло за хмурые облака, стало прохладно, однако потом оно снова вышло, обдав загорелое лицо Армана теплом. Он обернулся и увидел, что ушел уже достаточно далеко. Холмы закрыли вид на деревню почти наполовину, а деревья, между которыми располагались маленькие домики, размылись в его глазах и стали одним целым. Ему захотелось лечь на траву, но он преодолел это желание и пошел дальше. Арман часто ходил по этому пути. Только одна улыбка на его лице отчетливо выдавала его любовь к своей деревне, близлежащей местности и к полям цветов. Он часто оборачивался, чтобы охватить взглядом, начинающийся где-то вдалеке агрыдак, заполнить воздухом легкие и с упоением прокричать на все поле! (Земля, моя земля!) Арман спустился вниз с холма и вдали увидел свой небольшой лесок. Отсюда он казался совсем маленьким, но по мере приближения вырастал в большого гиганта, с одной стороны страшного и темного, а с другой такого манящего свирелью птиц и загадочностью деревьев. Тропинка размылась и Арману пришлось идти к лесу по траве. Благо не мокрая она была. Даже если с самого утра голубая роса блистала на тонких травинках, то сейчас после восхода солнца она быстро испарилась. Тропа размылась потому что почти никто кроме Армана не ходил в лес напрямик. Местные охотники заходили в большой лес с другой стороны. В тот лес Арман не стремился, ему хотелось затронуть лишь край маленького леса, который он сейчас видел. Арман до жути боялся кабанов и диких козлов. Около чащи, этот страх усилился. Он немного замедлил шаг, оглядываясь по сторонам и, порой всматриваясь в чащу леса, побаиваясь увидеть там страшное дикое животное. В сущности, он страшился лишь того, что вовремя не заметит бегущего из лесу кабана, волка или бешеную лисицу. В детстве ему не раз приходилось бегать от диких зверей. Однажды Арман шел своей обычной тропинкой домой из школы. Он всегда оборачивался назад, оглядывая зеленые холмы уже пройденные им, но в тот раз он отругал себя за излишнюю боязливость и продолжил идти вперед, не зная, кто находится позади него. Арман услышал, в тот момент, когда закончил мысленный монолог, что сзади кто-то бежит. По его позвоночнику проползла холодная змейка и он, не оборачиваясь, рванул вперед. Как рассказывал потом отец, отогнавший животное выстрелом из дробовика, за Арманом гнался темно-серый волк. Хищник был очень стар и испугавшись оружейного залпа, сразу развернулся к лесу и побежал прочь от Армана. Приближаясь к лесу, Арман вспомнил и то, как отец, вернувшись на следующий день после охоты, рассказывал, что его выстрел ранил волка в ногу и тот, углубившись в чащу леса, умер и был обглодан грифами. Эта история вспомнилась Арману именно сейчас. Ему казалось, что она имеет решающее значение в сегодняшнем походе, однако диких зверей нигде не наблюдалось. Это

обстоятельство не очень радовало Армана, так как знал, что не замеченный зверь представляет большую угрозу, чем тот, который на виду. Юноша продвигался все ближе к лесу и наконец, дошел до первых деревьев. Небольшой сосновый лес теперь казался непроглядным. Арман остановился перед самой чащей, вглядываясь в ее глубину. Разглядеть что-либо на расстоянии пятидесяти метров было невозможно. Всё от травы до солнца закрывали могучие ветвистые сосны с темно-зелёными иголками. Ночью услышав внезапный шорох или тихий осторожный рык, можно было не на шутку испугаться. Однако и в дневное время Арман достаточно сильно боялся входить в чащу. Но тишина леса и запах сосен успокоили его. Арман минуту постоял у чащи, потом шагнул вперед и устремился вглубь. В его планы входило пройти около ста двадцати метров в чащу леса, затем повернуть направо и пройти еще пятьдесят ближе к середине. Он устремился по грязной дороге вдоль разбросанных сосен. Старые ботинки юноши порой утопали в грязи. Он оглядывался по сторонам, поднимал голову кверху, словно ожидая атаку с воздуха. Арман смотрел на деревья и пытался не вглядываться в глубину, чтобы не чувствовать головокружения. Причиной мог бы стать лесной воздух и сосредоточенный взгляд вперед. Он шел, все также утопая ботинками в грязи, надеясь найти твёрдую землю, где можно было бы начать раскопки. Лопата порой сильно давила на плечо и ему приходилось снимать ее с плеча, волоча за собой, словно ленивую собаку на поводке. Мешок он сложил и засунул под мышку. Так идти было намного удобнее. Арман прошел достаточно глубоко, чтобы, наконец, повернуть направо и пойти ближе к центру. На его удивление поворот был удачным. Грязь уменьшилась. И чем больше он отклонялся вправо, тем тверже становилась земля под ногами. Теперь он шел увереннее. Никаких посторонних звуков вокруг не было. На некоторое время он почувствовал себя в безопасности. Кривые сосны наравне с прямыми привлекали взгляд юноши. Он шел и думал о своем. Арман любил сосны с детства. Давно, когда он только еще начинал ходить в деревенскую школу, у себя во дворе он нашел любимое дерево и вплоть до подросткового возраста ходил к нему. Когда Арману было грустно, он подходил к красивой сосне, словно обезьянка взбирался на нее и сидел там, пока не успокаивался. Он разговаривал с ней, любил ее, как живого человека и всегда вспоминал о ней с душевной теплотой. Впоследствии это чувство исчезло и было совсем забыто. Теперь Армана интересовала геология и девушки. Других интересов у него не было. Сейчас он думал о геологии, предвкушая серьёзную находку. Шел и представлял, как найдет залежи меди, словно клад, оставленный пиратами на необитаемом острове. Как раскопает все подчистую и наполнит свой мешок до середины. Он знал, что больше не донесет. Его привлекала сама возможность такой находки и будоражила одна мысль о реальности найденной меди. Он продвигался вперед, ступая по твёрдой земле, и представлял, будто уже нашел столько меди, что можно начинать проводить полноценные геологические исследования. Естественно, он не доверил бы никому исследовать найденные залежи, кроме себя. Его мечтания прервал голос разума, и юноша, будто очнувшись, оглядел деревья, обернулся и подумал о том, что может ничего не найти. Он остановился в тот момент, когда почувствовал, что дальше идти нельзя, иначе можно заблудиться в лесу. Для раскопок он выбрал просторное место. Маленькая полянка посреди леса, по сравнению с другими местами, заросшими соснами, казалась открытой и подходящей для дела. Солнце ярко светило сквозь верхушки деревьев. Свет пробивался на место раскопок и падал Арману на голову. Он кинул мешок на землю и подошел к центру поляны, примечая место, где можно раскопать яму. Лопатой он оставил полосы по четырём углам прямоугольника и принялся за дело. Копал он по десять минут, потом отдыхал. Юноше предстояло сделать яму полтора метра глубиной и почти метр шириной. Арман знал, что чаще всего медь лежит на большой глубине. Однако в некоторых случаях она может лежать и на поверхности. На это он и надеялся, копая и вытирая пот со лба. Железная лопата поначалу его не слушалась. Когда одна нога соскальзывала, он пытался ударить лопату второй. Но сам процесс копания земли был для него не основной проблемой. Главной – были надоедливые корни, которые так и мешали лопате впитаться в земную

твердь и отделить от нее кусочек. Их приходилось силой рубить, еще резче ударяя по лопате и чаще меняя ноги. Земля постепенно стала уступать и Арман, замечая некоторый прорыв, вдохновился и начал работать с большим рвением. Но по мере того, как земля отрывалась, ложилась на лопату и улетала прочь в деревья и кусты, у Армана возникало противоположное чувство, что сегодня он не найдет ничего стоящего. Лопата снова и снова касалась земли. Арман вскапывал твердь с благоговейным чувством стремления к труднодостижимой цели. Если бы он мог, то разом бы выкопал большую яму и добрался бы до цели очень быстро. Он не знал о том, как трудно даётся геологам поиск полезных ископаемых. Он с детской наивностью верил в то, что достанет нужный ему металл без серьезных усилий. В лесу становилось жарко. Солнце все выше поднималось над небосклоном. Яркий свет все дальше покрывал лес. Когда Арман почувствовал жар на своих плечах и стал задыхаться от нехватки прохладного воздуха, он приостановил работу, наблюдая за тем, как солнечные лучи медленно передвигаются по деревьям, мерцая в проеме небольших облаков, закрывающих им путь к земле. Ветви сосен застыли в тени без малейшего намека на движение. Арман пытался отдышаться, но никак не мог набрать в легкие достаточно воздуха, чтобы восстановить привычное дыхание. Когда он увидел пыль, летящую вдоль яркого солнечного луча, ему стало еще труднее вдыхать воздух, но через несколько минут он все же смог восстановить дыхание и решил продолжить раскопки. Во время работы он постоянно оборачивался, переходил от одного края к другому, копая то в одном, то в другом месте. И каждый раз его внимание привлекало одно не очень красивое и довольно странное дерево, с зарубками на расстоянии полутора метра от земли. Поначалу Арман подумал, что возможно лесные животные, вроде белок или дятлов, могли оставить такие отметины на сосне, но почему-то дерево вновь и вновь привлекало его внимание. Однако он перестал думать об этом и продолжил копать. Юноша продвинулся на метр в ширину и на полметра в глубину. Арман стоял внутри и копал все глубже. Он немного отдышался и вытер пот со лба. Через полминуты снова потек пот. Усилием воли Арман попытался избавиться от желания протереть лицо рукой, но не прошло и минуты, как ему снова пришлось оторваться от работы и тыльной стороной ладони провести по горячему лбу.

Лопата стукнула по земле и со скрежетом отклонилась в сторону от того места, куда целился Арман. Он еще раз вонзил ее в то же место, но немного слабее. Лопата подалась влево и вонзилась в грязь. По звуку и по тому, как железная лопата отскочила от предмета, можно было точно сказать, что это не корень. Но и на металл это было не очень похоже.

Арман с испугом замер, устремив свой взгляд на что-то светлое, виднеющееся из-под влажных комков земли. Это не было похоже на металл. Юноша не сомневался, что ему не приходилось видеть что-то похожее раньше.

Арман решил откопать находку. Со страхом он взялся за лопату и принялся за работу. Но с каждым новым взмахом ему становилось все страшнее. Он освободил находку от земли ровно на половину и руки машинально выпустили лопату. Она упала на землю и ударилась об грязно-белую верхушку человеческого черепа.

Арман выбрался из ямы и сел на траву, прикрыв лицо руками. Он до последнего не мог поверить в то, что нашел в этом старом лесу человеческий череп. Юноша поднял глаза к небу, посмотрел на яркое солнце, потом переместил взгляд на сосну, которая так часто привлекала внимание во время работы, что он, пожалуй, запомнил ее цвет, фактуру и некоторые трещинки коры в области, где располагались зарубки, предположительно оставшиеся от когтей или клюва лесного животного. Арман обомлел, когда снова посмотрел на эти зарубки. Теперь они напоминали ему следы от пуль. Он никогда не видел ничего подобного, поэтому мог лишь предположить в силу своей юношеской горячности, что эти следы являлись отпечатками огнестрельного оружия.

Он встал на ноги и с осторожностью заглянул в яму. Все-таки любопытство одержало верх над страхом. Череп все также лежал на половину в земле. Можно было видеть чёрные,

заполненные крупинками грязи, отверстия для глазных яблок и длинную неровную полосу, проходящую по всему черепу, от правого виска к левому. Такой одинокий череп. Скорее всего, там были и другие части человеческого скелета, однако Арман не очень хотел их раскапывать. Но жгучее любопытство пересилило страх, и юноша решил копать дальше. О поисках меди он уже позабыл. Мысль о полезных ископаемых вылетела из его головы, как молодой воробушек из гнезда. Он поднял лопату с земли, прыгнул в яму и осторожно стал копать вокруг черепа.

Не прошло и нескольких минут, как он снова наткнулся на что-то твёрдое. Арман уже полностью раскопал череп и положил его на землю рядом с ямой. Было заметно, что у находки смещена челюсть, которая была треснута в нескольких местах. Потрясённый Арман продолжил копать. Ему было интересно, что же он может найти в этой земле. Земная твердь словно ящик Пандоры. Открывая его, путник не осознаёт опасности. Он продолжил копать и вскоре снова наткнулся на кость. Из-под земли была видна небольшая окружность. Он подумал, что человеческое плечо, но скорее всего деформированное, потому что размеры слишком велики. Однако еще немного прокопав, он с ужасом отстранился в сторону. Там лежал другой череп. Он был в два раза меньше предыдущего.

«Детский,» – подумал Арман, и у него перехватило дыхание. Вдыхать воздух стало тяжелее. Пришлось облокотиться на стенку ямы. Лопата снова выпала из рук. Он судорожно водил ладонью по земле за спиной, пытаясь избавиться от стресса и испуга. Но это не сильно ему помогало. Сам череп не вызвал у него сильного страха, однако вид круглого отверстия чуть выше надбровных дуг поразил его и заставил оцепенеть. Детский простреленный череп был направлен лицом вперед, в сторону Армана. Жутко и страшно было глядеть в пустые глазницы и думать о том, какая судьба постигла этого ребенка.

В лесу все еще было жарко. Птицы пели, обдавая волнами свирели всю окружающую местность. Однако Арман не обращал внимания на звуки. Он судорожно вылез из ямы, поднял свой мешок и побежал прочь из леса. Бежал он довольно быстро. Больше всего ему хотелось избавиться от ужасного впечатления. Мысли о черепах заставляли его сердце биться сильнее. Он немного замедлил шаг, когда, уже выбежал из леса. Через несколько сотен метров он перешёл на ходьбу. Голова гудела, а дыхание постоянно прерывалось. Приходилось делать вдохи глубоко и ровно. Однако ни яркое солнце, ни поле, ни привычные холмы, ни дальнейшее расстояние от места захоронения не помогало Арману восстановить дыхание и сердечный ритм, а также избавиться от ужасающей мысли о найденных в лесу скелетов.

С ужасом он проходил через все места, которые до сегодняшнего дня вызывали в нем только хорошие светлые чувства. Сейчас Арман ощущал только крайний испуг и не обращал внимания на окружающие природу. Трава под ногами все также кренилась от легкого утреннего ветерка, солнце все также пекло его темную голову, а холмы все также расходились волнами. Ничего не изменилось, ничего не произошло вокруг, однако ему было не по себе.

Он почти бежал, спотыкаясь об кочки и ямы, не замечая даже маленьких препятствий. Если бы он все еще находился в лесу, скорее всего ему бы пришлось не раз столкнуться лбом с деревом. Его глаза были направлены вниз, однако взгляд казался стеклянным. Как будто он смотрел в никуда. Когда ему нужно было оглядеться, он открывал глаза шире, быстро осматривался в поисках ориентиров, потом снова опускал глаза и следовал вперед. Чем дальше он уходил от леса, тем легче ему становилось дышать, тем медленней он шел, и тем осознанней становился его взгляд. По мере отдаления от ужасной находки он все меньше предавал значение тому, что с ним произошло в лесу.

Одинокие деревья, раскинутые по холмам и долинам бескрайних просторов, еще напоминали о лесном происшествии, но уже не так ясно. Собственные шаги по густой зеленой траве, под куполом чистого неба приводили его в чувства. Каждый новый сделанный шаг отвлекал Армана от увиденного. И каждое его движение постепенно приходило в гармонию с окружающей местностью. С тишиной бесчисленных холмов, красочных полей где-то вдалеке, с лугами

окутанными утренней дымкой тумана, с горой, которая напоминала о себе даже когда была за спиной. Такое чувство, когда идешь вперед и вдруг замираешь на секунду, ощущая на своих плечах ветерок с вершины – это сказанные горой слова утешения. Ты помнишь темно-зеленый пейзаж нижней части горной местности зимой. От середины и до самой верхушки расстилается снежный покров. И пытаешься представить себе, как он растаял и, как, оставшаяся на самой верхушке шапочка чуть поблескивает, напоминая тебе о суровых зимних временах. Арман успокоился. Теперь он шел, вглядываясь вдаль в поисках хоть небольшого намёка на приближение к деревне. Стремился быстрее попасть в родную обитель, избавиться от жуткого ощущения, страшшего его, и от надоедливого любопытства, порождающего еще больший страх непонимания своих собственных влечений.

Арман не приходил в ужас, когда вспоминал отдельные части черепов, хорошо запечатлевшиеся в его памяти. Белая кость лба, затылок, изгиб челюсти, все это по отдельности не было таким ужасающим, как картина отрывных останков в целом. Там, где лопата судорожно упала на землю и немного подпрыгнула, где он облокотился руками о стенку ямы, а из земли на него глядела темные глазницы детского черепа. Арман вздрогнул и прибавил темп. Но через некоторое время он все же немного замедлил шаг. Стал дышать ровно и пошел спокойно. Это произошло тогда, когда он увидел вдалеке свою деревню. Простецкие домики с пологими самодельными крышами, грязный желтый кирпич, выцветший от проливных весенних дождей в горах. Вид деревни напомнил детские годы, мокрую зеленую траву поутру и как когда-то давно вместе со своими друзьями выбегал ранним утром в поле и катался по земле в знак того, что можно делать все, потому что он уже взрослый. После этого незаметно прокрадывался домой весь мокрый, снимал одежду и прятал ее в углу за матрасом, чтобы мама не видела. Через день одежда высыхала, и Арман вытаскивал ее, надевал на себя и шел гулять. Мать выглядывала из окна и кричала ему вслед «Арман, где ты достал это мягое тряпьё, сними сейчас же и надень что-нибудь другое».

Он улыбнулся, продолжая шагать по траве напрямик к деревне. Но мысль о черепах не покидала его. Как страшно было сознавать то, что живых людей застрелили в лесу и еще так близко к его дому. Он подумал о том, что возможно там были и другие черепа. Кто-то расстрелял всю семью или же пленников, или путников, кого угодно, но людей, в том числе и ребенка.

Когда Арман немного успокоился, ему в голову стали приходить мысли по поводу того, что могло произойти в том лесу. Одни догадки его ужасали, другие были довольно логичными, но ничего, о чем он думал, не казалось ему достаточно правдоподобным.

В конце концов, он перестал об этом размышлять и начал подниматься уже совершенно спокойно по той тропинке, с которой недавно спуускался, поглаживая большие доисторические булыжники.

Путь от леса до деревни в этот раз показался ему слишком коротким. Он прошел через холмы и большое поле, подошел к тропинке, ведущей на холм, и забрался по ней к домам так быстро, что даже не успел серьезно, без лишних чувств поразмыслить над случившимся. С другой стороны, ему хватило ужаса и страха. Еще в лесу, когда ощущение испуга было свежо, время тянулось медленней, чем когда-либо. Там он чувствовал себя, как в клетке. Юноше казалось, что он двигался быстро, но в то же время понимал, что все происходит медленно, слишком медленно. Мучения всегда длятся долго.

Арман вдохнул свежий воздух. Он увидел свой дом и мать, которая развешивала белье на толстый длинный шнурок, натянутый между деревьями. Она не замечала сына, пока он не подошел вплотную к дому. Веревка была уже почти вся завешана бельем. Некоторые вещи успели немного подсохнуть на ярком солнце. Мать только что, перестирыв это бельё в ручье, была слишком уставшей.

– Явился! – громко прокричала он, увидев сына – где ты был? Почему бледный такой?

– Я был в лесу.

– А я увидела только то, что уже семь часов утра, а ты ещё не отправился за травами. Отец уже встал, поел, теперь на работу собирается, а ты чем занимался, картошку капал? – сказала она и засмеялась, поглядывая на грязную лопату и мешок.

– Лучше не спрашивай, не хочу говорить об этом.

– Как хочешь, только вот к полудню мне нужен свежий суп приготовить и травы нужны уже сейчас. Где они? – она хихикнула.

– Я пойду за ними, только в дом зайду, переоденусь и вот это на место положу, – Арман поднял мешок и лопату.

Заборов в деревне не было, поэтому он беспрепятственно подошел к двери дома и открыл ее правой рукой, одновременно удерживая лопату и мешок в левой.

Дом казался очень старым. Одноэтажная деревянная постройка была построена еще дедом Армана. Его семья жила в небольшой землянке на этом же участке, но, когда родители деда умерли, ему в голову пришла идея перестроить дом. Он снес его и поставил новый, который служит семье его сына верой и правдой до сих пор. Однако дом уже сильно обветшал. Дожди размочили дерево, и оно потемнело, кирпичный фундамент трескался в некоторых местах, особенно там, где силились насекомые. Окно выходило на противоположную солнечной сторону. Из него можно было увидеть Арарат. Чаще всего мать Армана наслаждалась видом этой горы, стоя на кухне. Также она могла видеть ручей и некоторые из деревенских домов. Тропинка, по которой все спускались с холма находилась чуть поодаль, с левой стороны.

Арман встал под деревянный навес, который обычно шатался во время сильного ветра. Входя в дом, он услышал добрый отцовский голос. Его отец, Николо, разговаривал с Лусине, но когда зашел Арман он резко замолчал, а потом проговорил:

– Арман джи, куда ты так рано ходил, а?

Отец еще не увидел своего сына. Арман шел по коридору, а он сидел в комнате. Юноша встал в проеме двери и посмотрел на отца.

– Доброе утро, пап, я ходил в лес.

– Доброе утро, зачем ты ходил в лес и почему ты такой бледный? – спросил отец, сидя на диване вместе с Лусине.

Маленькая Лусине посмотрела на брата, а потом на отца и как будто бы поняла, что им необходимо поговорить наедине. Она спрыгнула с дивана и побежала к себе в комнату.

Долгая пауза прервалась повторенным вопросом.

– Так где ты был, сын мой?

Арман положил лопату и мешок за стенку, а сам вошёл в комнату и сел рядом с отцом на диван. Николо почесал бороду и строго посмотрел на сына. Арман задумался: а потом ответил:

– Я был в лесу, за холмами, в том маленьком лесу, который всегда обходят охотники.

– Чёрное пятно, понятно, и что же ты там увидел, что так побледнел? – задал вопрос отец. Он сморщил лоб и своими большими темными глазами посмотрел на сына еще пристальней.

– Не знаю даже, как сказать...

– Говори, как есть! – перебил Николо сына и почесал проплешины на своей голове.

Арман посмотрел на отца и удивился тому, как же много седых волос было у него.

– Я раскопал кости убитых людей – сказал Арман и уставился в пустоту, как тогда, на выходе из леса.

Николо точно также посмотрел вперед пустым взглядом. Потом сказал:

– Ты их видел?

– Да, только черепа, возможно один мужской, и один детский с дыркой во лбу.

Николо опустил голову и о чем-то задумался. Потом пару раз тяжело вздохнул и, сложив ладони на колени, сказал:

– Я не стану выяснять, зачем тебе понадобилось копаться в земле черного пятна. Скажу, если бы дед был жив, он бы в подробностях описал все, что происходило в этом лесу и тебе бы не захотелось больше приближаться к этому месту, как и охотникам, которые его обходят.

– Возможно и так. Теперь точно не хочется. Что случилось с этими людьми?

– Это не самая завидная участь, сынок.

– Даже не знаю, хочу ли я это услышать.

– Здесь всё будет зависеть от того, захочу ли я рассказать про это. Пожалуй, что нет.

– Ты не можешь так поступить. Несмотря на то, что пришлось увидеть останки, все же хочу узнать, что с ними случилось, – сказал Арман громко, а потом замолчал, боясь, что мать или Лусине его услышит.

– Я вижу, ты поражён тем, что увидел. Но это лишь малая часть того, что произошло в годы войны в наших краях. Мне, слава богу, не довелось видеть многое из того, что здесь происходило, однако кое-что я все-таки видел.

– Этих людей?

– Я их знал.

– Почему ты никогда об этом не рассказывал, отец?

– А как ты думаешь, почему солдаты не любят говорить о войне?

– Мне кажется, что им просто тяжело. Они как будто переживают снова все, о чем говорят.

– Почти так. В душе у них происходит ровно то же самое, что они пережили на войне, когда о ней рассказывают.

– Неправда, такого быть не может.

– Послушай, что я тебе расскажу, а потом суди. Я был еще ребёнком, чуть младше тебя. До нас доходили отголоски страшной войны в Турции, но никто не придавал этому большого значения. До поры до времени. К деду стали приезжать его старые друзья, они просили убежища, но он им отказывал. Представляешь, как трудно ему было отказать своим друзьям в убежище. Его нельзя винить, он хотел сохранить семью.

– Турки уже тогда пришли на нашу территорию?

– Насколько я понял по рассказам твоего деда, им не составило большого труда вторгнуться на территорию Армении. И тот лес, в котором ты сегодня побывал, был их местом обитания. Я знаю, что там был небольшой лагерь. Те люди, которые бесчинствовали, перебрались сюда, они не состояли в турецкой армии. Им просто наравне с другими хотелось убивать. Что они и делали.

– Можешь не рассказывать дальше.

– Почему?

– Мне страшно это слушать.

– Ты сам спросил и сам хотел услышать, хотя не важно, я могу не и рассказывать.

Они посидели несколько минут, потом Арман заговорил.

– Ну а все же, как они могли поселиться в этом лесу, ведь рядом же деревня и возможно там были военные.

– Эти люди сумасшедшие. Такие есть в любом обществе и когда начинается война, они выходят на свободу и показывают все свои худшие черты. Поэтому все их боялись, и они беспрепятственно поселились в чаще. Однажды они пришли и в нашу деревню.

– Неужели мужчины позволили им ворваться?

– А что деревенские могли сделать, сынок, взять грабли и лопаты и забить их до смерти? Это было невозможно, против огнестрельного оружия не попрешь. Ночью с винтовками в руках они ворвались в деревню, я спал и ничего не слышал. Утром я увидел, что дом наших соседей горит.

– Вместе с людьми?

– Слушай дальше. Они забрали семью к себе в лес. Отца, мать и двоих детей – девочек. Я-то был сильно старше этих детей, им было лет по девять. Одной девять, другой около восьми...

– Так это их кости, пап?

– Какой ты не терпеливый! К сожалению, скорее всего их. Всю семью расстреляли. Я не знаю, что им всем пришлось пережить перед тем, как они умерли. Видимо те люди просто хотели поиздеваться.

В глазах Армана снова читался испуг. Он не мог выговорить ни единого слова. Через несколько минут в комнату зашла мать.

– Николо, ты поел?

Николо встал с дивана и сказал:

– Да. Мне пора на работу дорогая, жди поздно. Пока Арман джи.

Отец вышел из дома. Арман еще некоторое время тихо сидел на диване, не издавая ни звука. Все это время мать пыталась выпытать у него что-то. Но он пропустил ее слова мимо ушей и ничего не ответил. На кухне было слышно, как отец заводит свою ладу и выгоняет со двора, слышно, как шумят колеса. Как он выезжает на прямую дорогу и удаляется. Тихий звук мотора, становится еле слышимым.

– Я, пожалуй, пойду за травами, – сказал Арман очень осторожно, чтобы не выдать дрожи в голосе.

– Пожалуй, уже пора, – сказала мать – не забудь кепку надеть, а то напечет голову.

Арман вышел из дома и пошел в поле. Снова спустился по тропинке, но уже не думал о камнях. Потом взошёл на первый холм, но уже не замечал красоты природы, снова ощущал траву под ногами, но мысли об утренней росе, теперь казались ему воспоминаниями о том, как слезы лежат на лепестках. Через некоторое время ему стало легче. Но он все еще шел по полю и думал о бедной семье.

Арман прошел несколько холмов и забрался на самый высокий, с которого можно было увидеть и дальний лес, и бескрайнее поле и цветущие красные луга где-то вдалеке. В направлении к лесу ему идти не хотелось. Поэтому он, недолго думая, решил идти по протоптанной пастухами тропинке к маковому полю, и далее выйти на просторы зеленеющих лугов.

Гора Арарат находилась слева от него. Он шел по тропинке, наблюдая за тем, как белые облака на голубом небе плывут в сторону маковых полей. Ему хотелось быстрее дойти до того места, где краснела земля, и где воздух наполнялся одурманивающим запахом.

Он не желал думать, однако мысли роем неслись сквозь его голову. Отцовский рассказ никак не мог забыться, несмотря на окружающую природу. Стоило ему хоть немного отвлечься от созерцания зеленого поля и опустить голову на траву, мысли быстро приобретали негативный оттенок. После, возникало беспокойство и, наконец, сильно раздражение от несправедливости, желание что-либо изменить и в то же время страх, что все это может повториться. Он чувствовал усталость. Природа казалась ему естественно прекрасной, но в то же время грустной и одинокой. Он не мог сопоставить то, каким образом такая великолепная природа могла породить противоречивую природу человека. Он не мог понять, каким образом человек приходит к тому, чтобы совершать подобные ужасные поступки.

Холмов больше не было. Деревьев на его пути почти не осталось. Арман подходил к маковому полю. Он шел не очень быстро, но ему казалось, что время бежит. Минута за минутой. Погруженный в себя, молчаливый он следовал по пастушьему пути и ясно желал окунуться в дурман макового поля. Возможно, он хотел забыться. Убрать из своей головы, приносящие боль, мысли о несправедливости. Может быть, он просто хотел покоя.

Вот ему на глаза попались первые бутоны мака, и с каждым шагом их становилось все больше. Арман поднял глаза и осмотрел маковое поле. Таким большим и бескрайним казалось оно. Как будто вся Армения была окутана красными цветами. Он зашел в цветы и ненадолго остановился, созерцая все вокруг. Его внимание резко переместилось внутрь себя. Он стал

следить за тем, что происходит в его голове. За тем, как меняется его мысли и эмоциональный фон. Стал ощущать некоторое спокойствие. Раз, он вдохнул воздух, два, вдохнул второй раз, и голова немного закружилась. Появилось сильное желание лечь на землю. Примять маки своим телом и заснуть здесь. Поспать всего несколько часов.

Слева виднелась гора Арарат. Арман заметил ее и снова ясно вспомнил все, что с ним сегодня произошло. Он шагнул вперед. Шаг был не особенно длинным, но именно это действие привело его в чувства. Арман шагнул еще раз и уверенно пошел через маковое поле по направлению к зеленому лугу. Наконец, начала выглядывать зелёная трава. Дурман макового поля немного подействовал на юношу. Голова закружилась. Он знал, что мак за такой небольшой промежуток времени не способен сильно повлиять на сознание. И подумал о том, что, скорее всего еще сказывается усталость и тот факт, что он забыл надеть кепку.

Солнце то скрывалось за облаками, то выглядывало. Этого было достаточно, чтобы темные волосы Армана сильно нагрелись.

Он вышел из поля цветов и проследовал дальше, по чуть влажной зеленой траве. Слышно было, как щебечут птицы где-то вдалеке. Странно, что луг был пуст в такой ранний час. Никакого скота не было видно. Пастухов нигде не было тоже. Одиночество немного расслабило Армана. Захотелось отдохнуть где-нибудь у дерева или посреди луга. Он прошел еще дальше. Трава становилась выше. Ему захотелось лечь на нее и заснуть. Желание не остывало. Арман остановился, но так и не смог заставить себя лечь. Он присел на корточки, осмотрелся и полностью сел в траву, выгнув спину в направлении ног. Потом сел по-турецки и стал размышлять.

Отсюда можно было видеть гору. Арман посмотрел на нее. Каждый раз он восхищался ее красотой и каждый раз чувствовал горечь от того, что гора находится на территории Турции. На территории тех людей, которые некогда терроризировали его народ. А случай, произошедший пару часов назад, заставлял его с ненавистью относиться к этим людям. Ему приходилось себя успокаивать, однако это не помогало. Негативные мысли все больше заполняли его голову. Постепенно его стало клонить в сон. Усталость сводила его мысли на нет. Глаза стали закрываться и захотелось прилечь. Но внезапно со спины Арман услышал звук копыт, отбивающихся землю. Он раскрыл глаза от испуга, но не успел повернуться. Что-то стукнуло его по голове. Еще один удар. В глазах темнота. Последнее что он запомнил, так это то, что он упал на землю.

ГЛАВА 2

Сквозь пелену слышался глухой топот копыт. Тело как будто растворилось в невесомости и время от времени подпрыгивало на кочках. Каждый раз, когда упрямый баран останавливался и начинал ходить по кругу, пытаясь скинуть с себя Армана, напуганный дед бил тростью животное. Баран тряс головой, выказывая недовольство, однако становился податливым и продолжал идти вперед.

Арман лежал на спине барана, как мешок с картошкой. Дед стегал барана своей палкой все чаще. Чем ближе они подходили к деревне, тем больше животное беспокоилось и тем сильнее и чаще дед лупил его.

Пошел небольшой дождь. Маленькие капли падали на молодые зеленые травинки, подкашивая их. Эти капли намочили и шапку деда, и шерсть баранов настолько, что всем кроме Армана, лежавшего без сознания на спине у животного, сильно хотелось укрыться от дождя. Дед желал поскорее найти укрытие. Он и так целый день работал. С самого утра ему пришлось втаскивать арбузы на холм, потом в середине дня пасти свое стадо и под конец дня случайно наткнуться на юношу, да и еще стать виноватым в том, что парень оказался без сознания. Его посещали разные мысли. Вплоть до того, что не пора ли старику перестать работать и попытаться насладиться старостью.

Дед обернулся назад и посмотрел на упрямого барана, чья ноша казалась слишком тяжелой со стороны, и отвернулся, чтобы меньше думать о плохом.

– Ну же, хорошие мои, мы почти дошли, – громогласно сказал дед под звуки усилившегося дождя.

Деревни не было видно. Дед вглядывался в знакомые ему места, но никак не мог уверить себя в том, что ведет стадо в правильном направлении. Помимо настигших их туч, где-то далеко за горизонтом заходило солнце. Стемнело. Незнакомым и тревожным казалось все вокруг. Даже для человека, который прожил в этих краях всю свою жизнь окружающая местность была неузнаваемой.

Юноша до сих пор находился без сознания. Его тело мирно покоилось на бараньей спине и лишь изредка тревожно вздрагивало. Деда это пугало. Он не знал почему Арман так долго приходит в себя. Чувство вины и сильной тревоги съедало старческое сердце. Но несмотря на это, старая и отрешенность помогли ему смириться с ситуацией. После часа тщетного поиска оконных огоньков среди холмов родного края, он уже почти бесцельно вёл своих баранов в темноту.

Опираясь на трость, дед шел по мокрой земле в надежде отыскать знакомое место. Но зрение его подводило. Дождь не прекращался ни на минуту, а вокруг становилось все темнее. Бараны стали разбредаться в разные стороны. Он кричал им, бил их тростью и бегал вокруг них под дождем, чтобы собрать стадо во едино и продолжить движение. На его удивление баран с Арманом на спине больше не тревожился и покорно следовал за своим пастухом. Будто бы осознал свою вину перед юношей и дедом, перестал брыкаться, вошел в положение и стал следовать совести.

– Совесть баран. Что мне, старику, оказывается может прийти в голову во время дождя. Похорони меня бог на это месте, да где же эта деревня!

Пиковый момент, когда дождь лил во всю силу, миновал. Теперь капли падали с неба намного реже. Это было радостное событие для всех. Тучные животные с тяжелой намоченной шерстью медленно передвигались по холмам, следуя за своим пастухом. Как только дождь прекратился все разом решили отряхнуться от воды.

– Стой черт! – крикнул дед барану с Арманом на спине. Тот даже не отреагировал на выкрик пастуха и стряхнул бедного юношу на мокрую траву. Дед подбежал к Арману и поднял его голову и прислонил ухо груди. Сердце билось равномерно. Он посмотрел на смуглое лицо мальчика, которое казалось еще темнее поздним вечером и тихонько ударил его ладонью по лицу.

– Проснись Арман, нужно искать деревню, – сказал дед.

Арман оставался без сознания. Тогда дед взвалил на себя юношу и потащил. Спускаясь с холма, он не ощущал сильной тяжести, но в тот момент, когда спуск закончился и начался новый подъем, дед остановился. Он был не в силах нести Армана на спине, поэтому решил снова взвалить его на того же барана. Задача оказалась трудно достижимой для старика. В полумраке он выискал того самого барана, словно почувствовал его среди остальных. Взял привередливое животное за рога и попытался его усмирить. Баран брыкался, извивался, все больше норовил освободить свои рога и ударить ими пастуха. В конце концов опытный старик усмирил животное и тихонечко положил ему на спину Армана. Они пошли вперед.

Тучи на небе рассеялись. Темно-синее покрывало убаюкивало путников. Они медленно продвигались и наконец дед увидел вдалеке огонек. Это Арусь не могла уснуть, дожидаясь своего мужа.

– Наверное она сейчас укладывает Наргиз. Вот они удивятся, когда я им гостя приведу в такое время.

На первый взгляд оконный огонек горел довольно близко. Но это только так казалось. Сильное желание деда добраться до своего дома затуманило ему разум. Он знал, что все желан-

ное кажется ближе, чем есть на самом деле. Расстояние до источника света ночью никак нельзя определить на глаз. А если попытаться, то можно войти в заблуждение. Но в его возрасте память и зрение стали подводить.

Он шел вперед, оборачивался, обходил стадо и подгонял баранов тростью. Следил за тем, чтобы Арман ненароком не упал со спины животного. И снова продолжал идти вперед. Уже можно было отчетливо увидеть контуры окна и людей, которые находились внутри дома. Ощущение усталости все это время проследовало его, но сейчас он словно помолодел и зашагал быстрее. Старику очень хотелось отдохнуть. И именно тогда он подумал, что никогда больше пойдет со своим стадом прогуливаться по холмам близ деревни. Больше всего он желал, чтобы Арман пришел в себя. Порой он пугался от мысли о том, что животное нанесло юноше непоправимую травму, поэтому завидев окошко, заторопился, надеясь на врачебную мудрость бабушки Арусь.

Загон для баранов был совсем рядом. Дед остановил стадо, тихонько подошел к барану, на спине которого, похрапывая лежал Арман. Старый пастух улыбнулся.

– Спит мальчишка.

Дед аккуратно снял Армана со спины животного и положил его на траву. Он быстро отвел всех баранов в загон, закрыл на защелку деревянную дверцу и вернулся к Арману. Взяв его на себя, дед направился к двери дома.

Дверь открыла Арусь. Она завидела деда, когда он сгонял своих баранов в загон и неспешно направилась открывать дом. Наргиз засыпала в своей кровати и в полудреме услышала, как недовольные бараны топтали мокрую землю копытами и блеяли. Отперев дверь, Арусь увидела промокшего деда с темной поклажей на спине.

– Ты что несёшь малахольный?

Дед зашел в дом и тень, лежащая на Армане, как пелена спала под тусклым светом четырех свечей, расставленных по всей комнате.

– Подарок, – сказал старик угрюмым тоном и вошел в дом.

– Шутишь... Боже, это же человек!

– Да и не какой-то там, а соседский мальчишка Арман.

– Как же так! Ты что с дуба рухнул, дед? Что с ним случилось?

– Ничего, спит малёхонько.

Дед подошел к своей кровати, которая стояла рядом с металлической черной печкой и аккуратно, насколько мог, положил на нее Армана. Наргиз мигом проснулась. Она не подавала виду, что проснулась. Вроде спала, подложив руку под голову. Однако все слушала и особенно отчетливо слышала дыхание гостя, которого она еще и узнала. Все дети играли вместе, но Наргиз почти никогда не общалась с мальчиками, а Арман почти никогда не общался с девочками. Однако иногда они замечали друг друга в деревне.

– Что же это! – вскричала бабка Арусь и побежала мочить холодной водой маленькое полотенце, – Вот малахольный, что выдумал, человека угробил! Дурь из тебя вся что ли еще не высыпалась?

– Да не я это! Ругаешься зря! Баран остолоп хотел ударить мальчишку, да видимо промахнулся, на счастье. Ничего выживет, – сказал дед, а сам покрылся испариной.

– Что ты говоришь такое, дурень!

Арусь подбежала к Арману, села рядышком и положила на его лоб холодную тряпку.

– Зачем ему твоя мокрая тряпка, он и так промок весь!

– Молчи!

Дед замолчал. Он вдруг остро почувствовал свою вину, присел на кровать Наргиз и уже почти заплакал, но вдруг Наргиз отвлекла его, неожиданно заговорив:

– Деда, что там такое?

Она не могла видеть, что происходит на соседней кровати, так как была повернута лицом к стене, а дед сидевший на кровати мешал ей перевернуться.

– Цветок мой, чего ты не спишь?

Наргиз попыталась повернуться, но одеяло скрутилось в трубочку и не давало ей двигаться.

– Постой, я встану.

Он поднялся, и Наргиз перевернулась. Она вдруг увидела знакомого мальчика и засмушалась сильнее чем тогда, когда услышала его имя от деда. Арусь переложила Армана на бок, поэтому Наргиз могла отчетливо видеть его лицо целиком. Его брови, густые не по годам, темный легкий пушок над верхней губой, смуглую кожу и совсем не пухлые, выразительные юношеские скулы округлого лица.

– Деда, похоже он просыпается.

– Да нет внученька, это тебе только кажется.

– Она права, балбес, он приходит в себя, смотри, как щеки зарумянились.

Арман на секунду открыл глаза и снова заснул, будто и не просыпался вовсе. Арусь потрогала его голову с тыльной стороны. Там образовалась большая шишка.

– Ух и большая же! – сказала старуха, с укоризной взглянув на деда, – это все ты со своими неугомонными баранами.

– Что там, Арусь?

– Шишка, балбес. Хорошо, что крови нет, повезло мальчишке.

Дед закрыл лицо руками от стыда и вины. Он понимал, что, если бы тогда не заснул, возможно баран не отбил бы от стада и не ударил мальчика по голове.

Наргиз посмотрела на деда. Ей захотелось его пожалеть. Но интерес к гостю пересилил это желание. «А что, если он проснётся и увидит меня, а я на него смотрю», – подумала Наргиз и в миг отвернулась к окну. За окном висели звезды, малюсенькие отблески прошлого. Стекло было мокрое, поэтому звезды размывались в нем, как краски на только что нарисованной картине, под проливным дождем. Она снова повернулась, посмотрела на своего деда и сказала:

– Ну деда, перестань винить себя. Ты же не мог знать, что один из твоих баранов ударит его, правда?

Дед, как маленький ребенок успокоился от ее слов и убрал руки с лица.

– Я не знаю, зачем его туда черт понёс, может забрёл, пока траву щепал, да это и не важно уже.

Он посмотрел на Армана, потом повернулся к Наргиз.

– Ты ведь знаешь его, Наргиз?

– Да деда, но мы не общались ни разу.

– Ох горе мне, как я оправдаюсь перед его родителями?

– Сам пойдешь и попросишь прощение за своего барана, – сказала Арусь, перекидывая мокрую тряпку с тёплой стороны на холодную.

За окном снова полил дождь. Он стучал по стеклу и оживлял всех, кто находился в доме. Даже Арман слегка дернулся и вроде бы попытался перевернуться на другой бок, но поёрзав и помычав сквозь сон стал меньше двигаться и вскоре снова глубоко заснул. Стук дождя немного вразумил деда. Он стал яснее мыслить. Завидев, что Арман немного двигается, дед стал смелее. Страх его ненадолго отпустил.

Свечка на столе погасла от тоненького ветерка, проходящего сквозь расщелину между стеной дома и оконной рамой.

– Наргиз, встань, зажги свечу, – сказал дед.

– Да бог с ней, с этой свечой. Сейчас ночь, чем темнее, тем лучше для тех, кто спит, – отозвалась Арусь.

– А для тех, кто не спит? – спросила Наргиз

– У таких, забот полон рот, как например, теперь у нашего деда и у меня. А ты засыпай милочка, спи.

– Не могу спать, бабушка.

– Это почему же, дитя?

Наргиз зарделась румянцем. Она машинально погладила рукой свои черные волосы, посмотрела на бабушку и отвернулась.

– Дождь за окном не дает.

– Дождь милочка не помеха, тем кто спать хочет.

– Может быть, бабушка, но мне помеха.

– А может быть и хорошо, что ты не спишь. Мальчик проснётся, отведёшь его домой.

– А как же я и родители? – спросил дед

– А ты, болван, завтра придешь с утра и извинишься за себя и за свою скотину.

– Ну ладно уж тебе, животное тоже не специально, может испугалось.

– Ты же ведь спал, пока твой баран по лугу бесхозным ходил.

– Откуда ты знаешь, что я спал?

– Да я так, образно сказала. Ох, да ты еще заснул по правде!

– Ничего я не заснул, просто проглядел, – сказал дед и отвернулся к окну.

Неожиданно в доме наступило молчание. Никто больше не решался говорить в слух, будто все поняли, что легче будет от тишины, чем от споров. Наргиз положила голову на подушку. Дед пригорюнился, а бабка все так и сидела над Арманом, перекладывая мокрую тряпку с одной стороны на другую.

В чугунной печке хрустнули раскалённые поленья. Огонь вспыхнул и тут же погас.

В этот момент Арман открыл глаза. Веки еще слипались, и он мог видеть только очертания кровати сбоку и человека, сидящего над ним. Юноша почувствовал жар на макушке и стал ерзать по подушке, то медленно открывая глаза, то закрывая их. Он немного съехал головой с подушки и внезапно осознал, какой жар его преследовал. Арман полностью открыл глаза и увидел старушку Арусь, которая улыбаясь, гладила его по голове и что-то говорила. Он не мог отчетливо слышать ее слова первые несколько секунд. Голова гудела, а в ушах стоял звон. Все прошло, когда он поднялся с кровати и сел, облокотившись на стену спиной.

Юноша оглядел комнату сонным взглядом, кое-как поздоровался с бабушкой и дедом, сидевшими напротив него. Наргиз закрылась покрывалом, поэтому он ее не мог видеть. Арман покачался на кровати, словно маятник, но не сильно, а тихонечко, как будто его бедная голова тянула все тело то в одну сторону, то в другую. Глаза, немного прикрытые, бегали по комнате. Головокружение прошло незаметно. И его состояние значительно улучшилось. Тогда Арусь молча протянула ему стакан воды. Он глотнул, вежливо отдал старушке стакан и вдруг замер, заметив шевелящийся предмет под одеялом, где сидел дед. Арман показал пальцем на голову Наргиз.

– Наргиз, – сказал дед шёпотом, – а ну-ка вылезай, это же не прилично.

Девушка тихонечко вылезла. Сначала показались ее карие глаза. Она посмотрела на сидящего у стены Армана, на его глупый, но добрый взгляд и хихикнула.

– Ну ты что, смеяться еще будешь, не прилично. Вылезай, – снова повторил дед.

Она открыла лицо полностью. Было видно, что Наргиз с большим усилием сдерживала улыбку. Арман улыбнулся. Тогда она засмушалась и отвернулась к окну.

– Ну что, миленький, как ты? – сказала, сидящая рядом с Арманом Арусь.

– Да ничего вроде, – проговорил он тихим, слабым голосом.

– Конечно ничего, орёл! – вскричал вдруг дед.

Арман резко взялся за голову. Он почувствовал, как его мозг сжимается от громкого голоса старика. Тяжесть распространилась на всю верхнюю часть его бедной головы.

– Ты что, не кричи так! – сказал Арусь шёпотом с хрипотцой.

– Ой, прости.

Дед замолчал. Никто не решался заговорить с Арманом. Наргиз – потому что стеснялась, Арусь – потому что чувствовала вину за своего деда, а дед – потому что ему было стыдно за себя. В конце концов тишину прервала Арусь.

– Ты хорошо себя чувствуешь? Скажи, не стесняйся.

– Да вроде ничего, только есть хочется.

– Господи, ну конечно, сейчас все тебе сделаю, у меня такой вкусный супчик есть, объедение. И хлеб свежий, – зашебетала Арусь, поднялась и пошла доставать хлеб из кухонных шкафчиков у окна, – сейчас поешь хлеб, а я пока за супом схожу.

– Да нет...

– Что такое?

– Супа неверное не нужно, спасибо. Хлеба будет достаточно.

– Ах вежливый какой. Супчик поесть нужно, сынок, а то силы не восстановятся. На, кушай хлеба пока, сейчас приду.

Арман взял в руки, только что оторванный от батона, кусок свежего мягкого хлеба с чуть подгоревшей коркой и сказал спасибо. Арусь побежала во двор за супом.

– На здоровье, мой дорогой, – сказала она, выходя из дома.

В комнате остались только дед, Наргиз и Арман. Молчание было недолгим.

– Ты прости меня, друг, – сказал дед, – за своими баранами не уследил... ух упрямые... я им покажу... особенно тому, кто тебя, это...

Дед посмотрел на Армана жалостливым взглядом и опустил глаза на пол.

– А что случилось-то, и голова так болит?

– Сынок, тебя мой баран лягнул по голове... ну и покажу я ему... зараза... завтра же в суп добавлю.

– Но как мы добрались? Я же был совсем в другом месте.

– Тот же баран, который тебя лягнул и довёз тебя целым и невредимым на своей спине.

– Довёз?

– Да, прямо на спине, ты бы видел каким он, был молодцом.

Дед замолчал. Наргиз взглянула на Армана и захихикала. Арман быстро посмотрел на Наргиз, потом перевёл взгляд на деда.

– Может не будете барана трогать?

– Нет, я ему задам... чертяга! Пстой, ты не злишься?

– Нет, я хочу, чтобы он жил.

Молчание наступило снова. Недоумение деда дошло до Наргиз, и она поняла, что он не ожидал услышать что-то подобное от пострадавшего юноши.

– Тебя Арман зовут, правда? – вдруг спросила Наргиз.

– Да, а тебя как?

– Никак.

– Наргиз, так не прилично, детка, скажи, как тебя зовут! – встрял дед.

Наргиз засмеялась, а Арман широко улыбнулся.

– Что вы улыбаетесь, пожалуй, влюбились оба?

– Ну что ты деда, что за чепуха!

Арман зарделся краской. Он не думал, что его внутреннее чувство так будет видно в разговоре и симпатия к Наргиз окажется такой явной. Однако не подал виду и посмеялся.

– Просто вы...

– Просто ты, дедуля, сказал ему мое имя, когда ко мне обращался! – перебила Армана Наргиз.

– Да будет тебе, как будто ты Арман до этого не слышал, как я к своей внучке обращался. Правда она у нас красивая, да?

– Перестань, дед, – сказала Наргиз и залезла под одеяло с головой.

В этот момент в дом зашла Арусь, в руках она держала небольшую кастрюлю с холодным супом.

– Вот так, – приговаривала она – сейчас поставим на печку и суп согреем. Дед, а ну-ка дровишек подкинь, а то сидишь без дела, молодёжь смущаешь.

– Что значит смущаю? Я их жизни учу!

– Себя бы поучил, как за баранами следить.

Дед снова почувствовал себя виноватым, уставший встал с кровати, дотянулся до щепок, лежащих в углу и подкинул их в печку.

– Хорошо, теперь все будет хорошо, – причитала Арусь, разогревая суп над огнём.

– Пойду, пожалуй, посмотрю, что там бараны делают.

– Иди, иди, там как раз дождь закончился.

Наргиз вылезла из-под одеяла, когда дед ушел. Она посмотрела на Арусь, потом в окно. Все это время Арман следил за ее взглядом.

– Что там интересного?

– Где?

– Там, за окном?

– Ну... звезды интересные, а что?

– Звезды далеко.

– Планеты, значит, другие интересно рассматривать.

– Так их и вовсе не видно.

– И что, все равно интересно.

– Зачем нам те планеты, у нас своя под ногами.

– И что?

– Ничего, просто так много всего мы не знаем о своей планете, о земле, о пластах там всяких, – сказал Арман так, чтобы не умничать.

– О каких таких пластах?

– Ну, земных, которые под нами.

Арусь посмотрела на детей. Суп вскипел, поэтому она прервала их разговор.

– Так, давай-ка поешь мой мальчик, тебе силы восстанавливать нужно, а ты Наргиз спать ложись, уже давно пора.

Бабка подседа к Арману, налила бараний суп в тарелку и подала ему вместе с ложкой. Он отхлебнул немного супа и прервался. Потом опять отхлебнул.

– Что еще за пласты? – тихонечко сказала Наргиз, повернувшись к стенке.

Арман еще немного пошатывался. Увидев, что Наргиз повернулась к стенке, он потерял всяческий интерес к происходящему вокруг. Ему казалось, что повернись Наргиз еще хотя бы раз, возможно решился бы остаться здесь на ночь, несмотря на то, что, когда его нет дома, мать не может заснуть. Арман вопросительно посмотрел на Арусь. Бабка повернулась к нему, мельком взглянула на тарелку с супом, из которой поднимался водяной пар.

– Что же ты не ешь, горячий слишком?

– Нет.

– А что тогда, мой мальчик?

– Вы не могли бы сходить к моей маме, пока я ем суп?

– Ох да, конечно, сейчас же схожу.

Она вскочила с кровати, забыв про все на свете и побежала через открытую дверь во двор, где сидел дед. Бараны мирно лежали в темноте за забором, а дед сидел на лавке у дома в позе мыслителя и уже почти задремал, когда Арусь вдруг крикнула:

– Что же ты сидишь, дурень! Мальчишку травмировал, теперь на улице решил поспать.

Дед медленно открыл глаза и в полудреме что-то пробормотал, словно хотел оправдаться, но не смог произнести ни слова.

– Ох, что же мне с тобой делать-то? – сказала Арусь и поковыляла к дому Армана.

Она шла в темноте, обращая внимание на горящий свет в окнах. Когда дом Армана был уже совсем рядом, Арусь немного замедлилась, а потом и вовсе остановилась.

– Что же это я? – сказала она вслух в темноте, – если сейчас среди ночи объявлюсь и скажу матери, что сына баран стукнул, она нас с дедом с потрохами съест. Лучше подожду, пока Арман вернется домой. А завтра сама пойду и все расскажу.

Тем временем Арман доедал суп, сидя на кровати в полуосвещённой комнате напротив Наргиз. Он не хотел мешать ей спать, да и у самого уже не было сил говорить что-либо, однако девушка сама стала ерзать на кровати, потом вдруг повернулась и спросила:

– Что такое пласты?

Арман прервался, положил ложку в тарелку и поставил ее на кровать. От волнения ему захотелось усесться поудобнее, и он начал двигаться, пока не заметил, что тарелка с супом двигается вместе с ним.

– Ну что молчишь, что это такое?

– Я не знаю... Ну, то есть я знаю, но не до конца.

– Не хочешь говорить, не надо, – сказала она и уже почти отвернулась от него к стенке, как он вдруг сказал.

– Земные пласты. Ну, то есть, по-другому земная кора.

– У земли есть кора?

– Конечно, иначе мы бы все здесь сгорели от жара лавы. Понимаешь, внутри земли много огня, а точнее жидкой раскалённой массы. Она конечно же опасна.

– Откуда она там?

– Давно образовалась. Еще тогда, когда планета только зарождалась.

– И осталась там навечно?

– Нет, уже миллиард раз превращалась в камень и расплавлялась. Но в сущности, да, навечно. Так как никуда не девалась.

– Ничего не понятно! Что ты умничаешь, нормально сказать не можешь?

– Могу, но лучше объяснить все наглядно.

– Занудству нет придела, – сказала она и отвернулась.

Арман посмотрел на Наргиз. Ее черные волосы мирно лежали на подушке, в них отражалась свеча. Он вдруг почувствовал, что хочет рассказать все что знает о геологии и не только. Не отрываясь от созерцания ее волос, он сказал:

– Давай завтра.

– Что? – сказала Наргиз в стенку.

– Встретимся у дома...

– У моего!

– Да, у твоего и я тебя все объясню.

– Жди меня в десять. Ну все, а теперь иди домой, а то я тут уснуть пытаюсь.

– Иду, спокойно ночи.

Наргиз ничего не ответила.

Арман так и не доел суп. Он тихонечко встал с кровати, подошел к двери, открыл ее и вышел на улицу. Пройдя пару метров по траве, он почувствовал, что его ноги промокли.

На улице было тихо. Мелкие звезды еле различимые на темном небе, словно прятались, скрываясь от глаз людей. Но Арман на них даже не взглянул, он повернулся к деду и увидел ночной Арарат. Далёко в тумане гора еле виднелась, сливаясь с небом, но все же Арман различал ее. От созерцания горы его отвлек хрип деда.

– Извините, – сказал он тихо, – дедушка извините, я ухожу.

– Ах, ух, да, да, иди, – пробормотал он сквозь сон, – счастливого пути, да, да...

Арман пошлепал по мокрой траве в сторону дома. Он вглядывался в темноту, ожидая увидеть вдалеке два женских силуэта, но никого не видел. С одной стороны, его это даже обрадовало. Он остался совсем один посреди деревни. Наедине с собой он мог думать, о чем угодно. Ему грезилась завтрашняя встреча с Наргиз. Будто он ходит с ней по полю и указывает пальцем на горный хребет, объясняя каким образом тот образовался и какое отношение имеют к горам земные пласты. Он вдруг мысленно посмотрел в ее глаза и ощутил внутреннее тепло. Арман замечтался. Мокрые ноги совсем его не беспокоили. Он про них вообще забыл, как будто нет ног, рук и тела, и вообще нет ничего кроме образа Наргиз. Однако звук, который он постоянно создавал, шагая по лужам, которых было бесчисленное количество на пути к дому, отвлекал Армана от его мыслей и возвращал в реальность.

Он пришел к своему дому так быстро, что даже сначала прошел его. Но следующая за его домом очередная избушка навела его на мысль о том, что он прошел свою калитку. Тогда Арман вернулся и зашел во двор.

В доме горела свеча. И мать сидела у окна. Дождаясь Армана, она зашивала дырки на одежде дочери.

«А где же Арусь? – подумал Арман, – Ну ладно, завтра поинтересуюсь.»

Арман закрыл калитку и пошел в дом.

В кустах, рядом с домом спряталась бабка. Из окна ей было видно, как мальчик зашел в дом, как он подошел к матери и обнял ее.

Арусь улыбнулась, но улыбка быстро сошла с ее морщинистого лица. Ей было безумно стыдно за свой поступок, однако она понимала, что приняла правильное решение. Арусь следила за Арманом из кустов, пока он шел. Успокоившись, она направилась домой.

Дед все еще дремал на лавке. Она стукнула его по голове и сказала:

– Дедуля, пойдем в дом, он ушел.

Дед проснулся и посмотрел на Арусь.

– Кто ушел?

– Ман, я все уладила.

– И к родителям его сходила?

– Пойдем, спать уже давно пора

– Пойдем.

Кряхтя, дед встал с лавки и направился за бабкой в дом. Наргиз никак не могла уснуть. Дед завалился на свою кровать, а Арусь, увидав, что Наргиз еще не спит присела к ней на кровать. Она стала ее гладить.

– Ничего, миленькая, спи, родная, – сказала она, когда Наргиз чуть приоткрыла глаза.

Арусь посмотрела на свою внучку с упоением и вспомнила вдруг ее лицо в тот момент, когда она повернулась к Арману. Бабка сразу поняла, что он ей понравился, но гордая Наргиз никогда и ни ому бы не сказала о своем чувстве. Когда Наргиз уже закрыла глаза и задремала, Арусь наклонилась, чтобы поцеловать ее на ночь и тихонечко прошептала внучке на ушко:

– Он хороший мальчик, это видно по глазам. Спи, сладенькая, спокойной ночи.

– Спокойной, бабушка, – сказала Наргиз сквозь сон.

Дед к этому моменту уже крепко спал. Бабка потушила все свечи и легла на свою кровать, но чувство вины не покидало ее ещё несколько часов, потом она заснула.

В доме семьи Армана царил тишина и покой. Уставшая мать Армана тихо легла на кровать рядом с дочкой в их общей комнате. На раскладном диване в гостиной, как убитый, спал отец семейства.

Арман в темноте нащупал свой шкаф, зашел за него и лёг на кровать. Света не было, но он знал, что рядышком лежит его коробка с образцами земли. Даже сейчас, уставший, засыпая на мягкой подушке, Арман думал о геологии и об открытиях, которые предполагал совер-

шить в будущем. Сон медленно обволакивал его бедную голову. Макушка головы ныла. Он прикоснулся к шишке совсем немного и почувствовал острую боль. Это его не смутило. Он повернулся к стенке и стал считать баранов. Потом подумал, что лучше все-таки считать овец и начал пересчитывать одну за другой. Но в воображаемой картине, когда овечки перепрыгивали через забор, его больше всего привлекла земля, по которой они бежали к забору, отталкивались и на которую потом приземлялись. Он вдруг представил, как волна земли поднялась где-то вдали и постепенно дошла до овечек. В его воображении в том месте, где находился забор, образовался большой разлом, в который все овечки упали. Новые овечки прыгая через забор независимо от желания Армана падали в бездну разлома земной коры. Он понимал, что где-то неподалёку земные пласты движутся в разных направлениях. Ему стало интересно посмотреть, что же там находится в этой бездне. Арман остановился перед разломом во сне, когда вдруг почувствовал реальное головокружение. Его потянуло вниз, и он упал в расщелину. Словно пушинка Арман парил в воздухе пока не достиг дна. Во время полета, он зорко присматривался к изменениям земной породы. Сначала был песок, потом отчетливо вырисовывались гранитные каменные глыбы, уголь, слой металла, покрытого глубокой древней ржавчиной, раскалённая магма, океанические породы, базальт. Когда Арман приземлился, он увидел перед собой слой совершенно незнакомый. Холод, пещера, выросшие с пола сгустки непонятной массы. Такие же сгустки свисали с потолка. Вдруг он вспомнил, что в одной книге из библиотеки прочитал о сталактитах и сталагмитах, образующихся при взаимодействии воды и известняка.

Арман окинул пещеру взглядом и ужаснулся. Повсюду валялись мертвые овцы. Он стал смотреть по сторонам и вдруг заметил изменение, которое крайне его удивило. Мертвые овцы стали как будто вращаться в камнях и превращаться в доисторические отпечатки давно ушедшего прошлого. Он присмотрелся к одной такой овце и увидел вместо нее каменную раковину, вросшую в стену пещеры. Юноша не мог поверить своим глазам. Его голова снова закружилась. В этот раз неспроста. Он увидел камень, блиставший в породе, совершенно непохожий на растворённый водой известняк. Он стал задыхаться, когда понял, что это алмаз. Но не от того, что его слишком сильно удивила красота природного алмаза, а от давления, которое он предположительно надумал, зная, что кристаллическая решётка драгоценного камня стала прочнее благодаря этому давлению, иначе алмаз так и остался бы графитом. Он подошел поближе и уже совсем забыл про своих овец. Алмаз блеснул и вмиг покрылся красной тягучей массой. Сквозь прозрачную магму было видно, как камень чернеет и приобретает свои прежние свойства. Арман побежал прочь. Он не желал быть расплавленным магматической субстанцией и уж точно не хотел оставаться в такой жаре, если бы даже нашел безопасное место. Лава нагоняла его и не давала ему прохода. Вокруг него образовался круг красной жидкости, расплавляющей все на своем пути. И этот круг сужался. Оставшееся до него расстояние стало совсем маленьким. Пустого места почти не осталось. Все запалила лава. Тогда Армана обуял страх. Он закричал, что есть мочи и внезапно для самого себя проснулся в кровати, среди ночи, весь в поту.

Первые несколько секунд он тяжело дышал. Когда к нему пришло осознание полной безопасности, он выдохнул, вытер с лица пот и почувствовал желание немного походить.

В комнате было довольно прохладно. Арман встал с кровати, аккуратно обошёл в темноте коробку с землей, подошел к окну и посмотрел во двор. Трава все еще росла и никаких расщелин на земле не было и подавно. Он подумал о том, что интереснее изучать свойства земли со стороны, чем исследовать их самостоятельно. До сегодняшнего дня Арман предполагал, что он практик, однако сейчас, стоя у окна, смотрел на блестящую луну и внезапно пришел к выводу, что все же интереснее читать про землю и рассказывать про нее другим, чем исследовать самостоятельно. Он внезапно вздрогнул, вспомнив про кости, которые нашел в лесу.

– Кошмар наяву, – проговорил он вслух, – А этот баран, похоже хотел до меня что-то донести. Он мог меня убить, если бы не промахнулся. Может это знак.

Арман еще немного походил по своей комнате. Ему надоело думать, он почувствовал усталость и решил выйти на свежий воздух. Юноша на цыпочках обогнул свой шкаф, тихо, как мышь, прошел по коридору к двери, аккуратно, без лишних звуков отворил замок, чтобы отец, спавший в гостиной ничего не услышал, и вышел на улицу.

На улице было прохладно. Арман вдохнул полной грудью свежий воздух. Ему захотелось курить. Он не часто курил, скорее покуривал изредка, однако, когда момент располагал, он не мог себе отказать в удовольствии. Отец всегда прятал свои сигареты под лавкой и Арман это прекрасно знал. Еще он знал то, что отец никогда не считал их. Арман подошел к лавке, которая стояла напротив окна, подsunул руку под нее и достал мокрую пачку. Мокрой она стала от того, что сырое дерево впитавшее дождь намочило бумагу, однако сигареты сильно не пострадали. Он достал одну сигарету и положил пачку на место. Взяв спички с беседки, Арман поджег сигарету и закурил. «И все-таки, – подумал он, пройдя на беседку, – без лавы, скорее всего люди никогда бы не узнали, что такое огонь и я бы сейчас не смог покурить».

Он затаился, стоя на мокрой траве. Мгновение и мысли о геологии снова накатили. Иногда ему не хотелось думать о конкретных фактах любимой науки, и он просто размышлял о разном, но только в рамках своих увлечений.

«Земля дала нам все, – думал он, пока курил, – пищу, полезные ископаемые энергию, все на свете дала. Она нас взрастила и вскормила. А мы – люди, чаще всего даже не знаем об этом. Ничего не знаем о земле, о том, что разрушаем ее, о том, что без полезных ископаемых и воды, которая исходит из недр земли мы не смогли бы жить так, как привыкли или не жили бы вовсе. Просто вымерли в ту же секунду, когда бы не стало воды. Ладно, пора отдохнуть от этих мыслей».

Юноша снова вдохнул табачный дым. Потом сел на лавку лицом к горе. Он курил сигарету и наблюдал за тем, как вдалеке у горизонта восходящее солнце постепенно освещает великую гору. Арман сидел в шлепках, закинув ногу на ногу, и думал о том, как ему хорошо. Дым выходил из его рта и поднимался все выше, растворяясь в сумраке раннего утра. В его памяти порой возникало лицо Наргиз. Через некоторое время он докурил сигарету и пошел спать. Уже во второй раз.

Утро наступило незаметно. Солнце, обогнув гору, поднялось достаточно, чтобы некоторые лучики света проникли в дом и упали в конец коридора на стену, рядом со шкафом, за которым спал Арман. Солнечные зайчики, создаваемые ветвистым комнатным растением на подоконнике, поблескивая, прыгали по стене прямо перед глазами спящего юноши. Он бы не поднялся с кровати раньше двенадцати, если бы не дал себе четко понять перед сном, что нужно проснуться в десять и успеть на встречу с Наргиз. Солнечные зайчики его пробудили, но не до конца. Он вроде бы открыл глаза, посмотрел в свое окно на деревья и тут же их закрыл, не осознавая, что мигом заснёт и уже не проснётся до двенадцати, а может и до более позднего часа. Окончательно его пробудил шум, доносившийся с кухни. Каждое утро мать Армана и Лусине, просыпаясь, начинали что-то делать, создавая грохот, топот и шум.

Юноша пробудился и заложил руки за голову. С равнодушием снова посмотрел на деревья и вдруг неожиданно для себя осознал со всей ясностью, что скоро должен будет встретиться с Наргиз. Как это бывает, все что беспокоило вечера переходит на другой день, но не сразу. Пробудившийся ото сна человек лишён беспокойства и тревог, если конечно он хорошо поспал, однако потом, все что происходило с ним вчера приходит и в новый день. Вот и Арман первую минуту чувствовал себя очень хорошо. Но в следующее мгновение он вдруг вспомнил о вчерашней тревоге, а также об очаровательном чувстве внутри фантазий и обеспокоился за сегодняшнее. Ему на миг показалось, что он проспал. Все его внимание сконцентрировалось на настенных часах, которые весели с обратной стороны шкафа. Без двадцати минут десять.

Арман вскочил с кровати быстро оделся и пошел к реке умываться. Он прошел через коридор, поздоровался с матерью и сестрой.

– Доброе, куда-то ты намылился, мой дорогой?
– Умыться.
– Только лишь умыться?
– Да, а что?
– Ты, наверное, не слышал, но по утру, совсем рано к нам заходила бабка Арусь. Знаешь ее?
– Да.
– Ну так она мне и рассказала, что с тобой вчера приключилось.
– Хорошо.
– Но почему ты мне не рассказал?
– Мам, мне совсем некогда об этом говорить, я пошел умываться.
– Она еще сказала, что вы подружились с ее внучкой.
Арман ничего не ответил, он уже почти вышел из дома, как мать вдруг добавила:
– Будь умницей, девочки любят, когда ты относишься к ним уважительно.
Сидевшая за столом Лусине мягко засмеялась, как будто боялась чем-либо обидеть брата, но в то же время не могла сдержать смех.

Арман был счастлив, что мать в этот момент не увидела его красное лицо. Он бегом добрался до ручейка, забрался в кусты, чтобы его никто не видел и как следует умылся. До встречи оставалось около десяти минут. Арман вдруг решил, что желает окунуться в проточную воду, но для этого ему пришлось бы уйти дальше в лес и найти там реку. На это времени не было. Он снял свою одежду. И в одних трусах просто лёг в ручей. С самого начала на спину, потом на живот. После этого ему стало значительно легче. Он вылез из ручья, одел рубашку и штаны на мокрое тело, влез в шлепки и пошел на свидание. Его совершенно не смущало то, что он мог показаться потным из-за мокрой одежды. Юноша чувствовал прилив сил после охлаждающего тело купания. Однако он все же задумался о том, что перед тем, как появится на глаза Наргиз ему необходимо высохнуть. В основном его мысли крутились вокруг того, о сем они будут разговаривать во время свидания.

«О геологии однозначно, – подумал он, – я же обещал. А вдруг ей совсем скучно станет, и мы не сойдёмся характерами и не найдем общих интересов. Ведь получается, что наша прошлая встреча была вынужденной, а теперь, как бы запланированная. И поэтому необходимо, как-то ее заинтересовать, ведь она этого и ожидает, правда? Может быть ей вообще не интересна геология, но интересен я. А может наоборот. И вообще, если я опять начну занудствовать, как люблю, что она тогда скажет. Просто уйдёт, даже не попрощавшись, а я останусь со своей Землёй у разбитого корыта. Что значит со своей Землёй? Ведь это самое главное для меня и, если ей не нравится моя часть, значит вообще не хочу общаться. Да, именно так, пусть тогда лесом идет. И без нее много интересного.

Но насколько все становится интереснее с ней! Как все преображается что ли. Вот скажем, полезные ископаемые, ну, например, уголь. Если я просто на него посмотрю, то он конечно вызовет у меня интерес. А если она возьмёт его в руку, тогда, наверное, полюблю уголь всей душой, только потому, что она держит. Странно как-то, и почему я об этом обо всем думаю с такой стороны. Ведь это обычная встреча, дружеская, правда?»

Он шел даже, не пытаясь заставить себя быть решительнее. Арман доверился мысленному потоку и просто шагал, надеясь на то, что все пройдет хорошо. Желание снова увидеть Наргиз сегодня, несмотря на то что, было настолько сильным, что юноша, сам себе удивляясь, не мог ничего с этим поделать. Он понимал к чему приведут попытки, как-либо повлиять на свое внутреннее состояние. Но не до конца отдавал себе отчёта в том, что каждый раз боролся с собою, дабы успокоиться и привести свои чувства в привычное состояние.

Яркая зелёная трава, изменяя свой цвет во время движения на темно-желтый и даже коричневый, порой отвлекала Армана от размышлений о предстоящей встрече. Он боялся все

испортить и в то же время убеждал себя в том, что необходимо сделать все естественно. Наслаждаться природой и своими знаниями, которые как судьбу на картах, Арман собирался показать Наргиз.

Он прошел несколько домов и с дрожью в коленках остановился напротив дома Наргиз. На часах было ровно десять. Он вдруг подумал о том, что она, наверное, передумала гулять с ним и просто решила не выходить из дома. Только эта мысль промелькнула у него в голове, как он увидел Наргиз, которая тихонько открыла дверь и вышла из дома.

Девочка спустилась по деревянным ступенькам порога и пошла по тропинке, так бесечно глядя на небо, как будто не замечала того, что около калитки ее уже ждет Арман.

Он увидел Наргиз и обомлел. Она была одета в желтое платье в горошек. Подол платья и рукава, огибающие плечи, были обшиты белым кружевом. На ногах у нее были темные, в цвет горошин на платье туфли без каблука. Волосы собраны на затылке в хвост. Она шла по тропинке между высокой травой, чуть ли не вприпрыжку. Это был явный знак того, что сама находится в очень хорошем настроении.

С другой стороны, Наргиз точно также, как и Арман переживал по поводу их встречи. Больше всего она боялась, что покажется глупой, когда он начнёт рассказывать ей про Землю. Все что она смогла решить для себя сегодня утром, так это во время разговора думать о своем, больше поддакивать и меньше говорить. Она не хотела выглядеть слишком красивой и сильно не прихорашивалась, потому что считала естественную красоту правильной. Тем не менее сделала все для того, чтобы понравиться Арману. Надела лучшее платье, которое у нее только было, аккуратно расчесала черные волосы и собрала их сзади так, чтобы ни один волосок не выбивался и не торчал, выскользнув из-под резинки.

Наргиз, как открыла входную дверь уже знала, что Арман ее ждет. Она глубоко вдохнула воздух и выдохнула, чтобы немного успокоиться. Но ничего не вышло, сердце бешено билось, и даже когда поняла, что Арман не собирается заходить во двор и идти на встречу, что он покорно ждет ее у калитки, она не могла справиться со своими чувствами. Беспокойство накрывало ее каждую секунду. Но не то беспокойство, заставляющее людей сомневаться и унывать, а предвещающее что-то, о чем ранее человек даже не догадывался.

Наргиз моргала своими карими глазами. Ее лицо отражало радость и в то же время скованность. Полуулыбка застыла на тонких девичьих губах. Щеки в меру худые стали красными от тёплого солнца и от волнения. Она принюхалась своим маленьким заостренным носиком к запаху свежей травы, колыхающейся от ветерка. Пыль клубилась под ее туфлями.

Наргиз подошла к калитке. К этому моменту Арман уже стоял, облокотившись плечом на дерево и ждал пока Наргиз выйдет к нему. Она вышла и посмотрела на Армана.

– Ну что ж, привет, – сказал Арман и все беспокойство в миг слетело с души у обоих.

– Привет, ты похоже опоздал?

– Как? Не может быть? – Арман посмотрел на часы, позабыв про то что проверял время раньше, но не успел сопоставить стрелки с цифрами, как Наргиз сказала:

– Ничего уже не изменишь, опоздал и ладно. Пойдём

Она пошла вперед, не дожидаясь пока Арман отринет от дерева. С минуту они шли молча. В кустах стрекотали насекомые, впереди виднелась старая деревенская тропинка – путь, ведущий к лугу. Арман шел за Наргиз, потом поравнялся с ней и все еще недоумевал из-за того, что она заявила ему при встрече. Однако он не смотрел на часы. Все его внимание увлекла впереди идущая девчонка. Когда он с ней поравнялся, она вдруг заговорила.

– Ну и что ты там мне хотел рассказать?

«Первая проявила интерес, – подумал Арман, – это, наверное, хорошо, но с каким пренебрежением или мне уже кажется?»

– А про что ты хочешь услышать?

– Ну как про что? Про то ..., то что ты вчера рассказывал, да, – сказала Наргиз и подумала: «Ох, ну и дура же я, только бы он не спросил про что вчера рассказывал.»

– А вообще, можешь про что хочешь рассказывать?

– Про пласты?

– Хочешь, рассказывай про пласты.

– Нет, мы про пласты вчера говорили.

– А я знаю, думаешь, что я забыла, ничего не забывала, вот.

– Я не сомневаюсь.

– В чем?

– Нет ну послушай, если я всю дорогу буду рассказывать про Землю и про то, как она устроена, мы, наверное, с тобой оба заснём.

– Ты рассказывай так, чтобы было интересно, – сказала Наргиз и немного улыбнулась, так незаметно, что даже сама засомневалась в этом.

– А может лучше для начала о чем-нибудь отвлеченном поговорим?

– Давай, ах да, дедуля просил передать тебе его искренние извинения за все произошедшее вчера.

– Ну ты передай ему, что все нормально.

– С тобой правда все хорошо?

– Да, только немного голова болит, а так все отлично.

– Не знаю, чего вдруг баран дедули взъялся. Я всегда с ними играла и ничего, никогда не происходило ничего страшного.

– Я на все природное не в обиде. Вот если тебе ветка в глаз ударит, ты же не будешь на нее злиться?

– Не буду, но это же все-таки не ветка, а животное.

– Баран не понимал, что делает кому-то плохо, он просто делал то, что знал инстинктивно.

– Ну да.

Пауза тянулась меньше минуты. Наргиз смотрела вдаль. Тем временем Арман глядел, то на горный хребет вдалеке, то на Наргиз. Он взглянул на ее щеки, потом на глаза и вдруг сказал:

– Ты любишь книги?

– Нет, но хотела бы их полюбить, – ответ пришел Наргиз в голову сам по себе. Она даже не попыталась как-то оправдаться, а просто поддалась внутреннему голосу.

– Ну вот если бы у тебя были книги, то какие они, по-твоему, были бы?

– Может, что-нибудь про звезды.

– А может про нашу планету?

Наргиз засмеялась

– Мы прямо опять вчерашний разговор повторили.

– Да, почти повторили.

Они прошли мимо деревенских домов и вышли к пологому спуску. Там, где совсем недавно Арман спускался с холма, поглаживая доисторические глыбы, теперь он шел вместе с Наргиз и почти не обратил внимания ни на спуск, ни на Зеленую яму, видневшуюся вдалеке. Только глыбы, еле привлечшие его внимание, напомнили ему о вчерашнем происшествии в лесу.

Они тихонечко спустились на тропинку и пошли по ней, словно два воздушных шарика, легко и непринуждённо. Красота местности, такой знакомой, навела Арману спокойствие, но и порой тревожность, перерастающую в чувство эйфории. Он смотрел на желтовато-зеленую траву, выросшую в этих местах довольно высокой и потом переводил взгляд на Наргиз. Улыбка уходила с его лица, а внутри горел огонь. Он даже в воображении не мог представить себе, насколько красивой покажется ему природа здешних мест рядом с Наргиз.

Насколько величественными и поразительными сейчас казались ему горы и холмы. Он замечал каждый оттенок различных цветов окружающей природы. Горы темные-серые в середине все больше белели, когда его взгляд перемещался выше к вершинам. Уступы скалов были видны отчетливо несмотря на то, что горы находились очень далеко от него. Он мог в мыслях переместиться туда, встать на уступ, прокричать во весь голос что-нибудь незначительное и эти слова в момент показались бы ему самыми важными в жизни.

Поле простиралось вдаль, насколько хватало взгляда. Он на секундочку забыл, что рядом стоит Наргиз и цвета вдруг оскудели. Это изменение пробудило его. Арман взглянул на ее профиль, она смотрела вперед. «Возможно она чувствует то же, что и я, – подумал он, – тогда понятно почему мы идем в молчании вот уже несколько минут. Интересно, а чем же она сейчас... черт!»

Арман зазевался и споткнулся об камень. Он упал на плечо и замер.

– Ты что? Осторожнее, не видишь камень на земле.

– Думаешь, что эти слова мне помогут? – сказал он, поднимаясь.

– Какой ты неженка.

– Сама такая.

Она подала ему руку, когда он уже почти встал. Отряхиваясь от пыли, Арман заметил, что Наргиз тоже пару раз провела своей рукой ему по плечу, но уже после того, как он почти полностью отряхнулся.

– Спасибо.

– Да не за что, – сказала Наргиз.

Они пошли вперед вместе, не опережая друг друга и шагая вровень. Минут не замечая, следовали по тропинке, нисколько не тревожась о том, что идут в молчании. Арману это не казалось странным, также, как и Наргиз. Они оба восхищались природой и совершенно не хотели о чем-либо говорить. Однако оба чувствовали взаимное притяжение и без слов понимали, что друг без друга им было бы нечего здесь делать. Куда они идут, зачем они идут. Первичная цель их встречи растворилась, остались только внутренние мысли. Наргиз уже не думала о том, что Арман когда-нибудь приступит к своему повествованию, а Арман не думал ни о чем кроме Наргиз. Он порой хотел немного отстать, чтобы посмотреть на нее со спины, увидеть ее волосы ее талию, однако предпочёл идти рядом и ощущать ее нутром. Когда идешь рядом с девушкой, независимо от того видишь ее или нет, все равно чувствуешь ее всем телом. Чувствуешь вместе с тревогой в сердце, замечаешь мельчайшие ощущения, которые только можешь испытывать во время свидания. То же самое происходило и с Арманом. Никогда в жизни он еще не гулял с девушками. И как он думал тогда, никогда не будет больше гулять с такой же красивой девушкой, как Наргиз.

– Что-то прохладно стало? Ты не замечаешь? – сказал Арман.

– Не знаю, может быть.

– Тебе скучно?

– Немного.

– Может тогда я тебе про пласты расскажу?

– Зачем?

– Как? Ты же хотела послушать?

– Ну и что с того.

– Не знаю. Например, ты читала о том, как образуются горы?

– Нет, не читала, – сказала она с явным недовольством в голосе.

– Пишут, что есть два способа их образования. С самого начала некоторые горы были вулканами, ты знала?

– Нет, а как же они стали горами?

– Прошло много миллионов лет прежде чем вся магма внутри вулканов и под ними затвердела, тогда они стали мертвыми и превратились в горообразные каменные глыбы.

– А второй какой?

– Видишь Армянский хребет?

– Ну конечно, я всегда его видела

– Он также образовался в результате силы дух смыкающихся гор.

– А Арарат как образован?

– Хорошо, что ты спросила. Арарат – это гигантский потухший вулкан и цепь гор близ него древние вулканические базальтовые массивы.

– Базальтовые?

– Да.

– Как все сложно! Даже трудно себе это представить.

– А подумай еще о том, что возможно, все эти горы, когда-то были под водой.

– С чего вдруг?

– А с того, что базальт в основном является камнем, из которого состоят океанические пласты.

– Откуда ты все это знаешь?

– Читаю много.

Они прошли довольно длинный путь и сейчас следовали по тропинке, протоптанной через луг пастухами, ведущей к лесу. Арман не хотел снова возвращаться в Зеленую яму, однако путь вёл именно туда. Он знал, что ни за что на свете не пойдет внутрь, а попытается обойти лес стороной, ведя за собой Наргиз.

– Ну мне, наверное, такие книги не осилить?

– Почему нет, ты вполне можешь их прочитать, если конечно тебе будет интересно.

– Нет, я больше люблю изучать растения.

– Правда?

– Да, смотреть на них, нюхать.

– Растения?

– Ну да цветы там всякие.

– И ты читаешь про то из чего они состоят, как растут и знаешь все латинские названия?

– Чего?

– Ну ты же сказала, что изучаешь растения.

– Не совсем растения, скорее цветы.

– А как ромашка на латинском языке будет?

– Что ты такое спрашиваешь? Зачем это нужно?

– Ты ведь изучаешь их, правда?

– Ну да, смотрю на них, на лепестки, нюхаю, но никогда не срываю, потому что они живые.

– С научной точки зрения изучать, значит исследовать среду обитания, условия жизни, структуру и историю возникновения.

– Ну ты и зануда, однако.

– Так ученые делают, когда изучают, а ты, пожалуй, любишь их и наслаждаешься ими, правильно?

– Может быть, не знаю.

Арман немного устал. Они шли не очень быстро, но и не слишком медленно. Ему захотелось присесть на траву.

– Давай посидим здесь, отдохнём?

– Не знаю, может дальше пойдём?

– Дальше лес.

– А ты внутрь не хочешь?

Он побоялся сказать Наргиз, что страшится входить в лес и поэтому промолчал.

– Давай посидим и подумаем, куда пойдем дальше.

– Ну в принципе можно.

Они уселись на траву рядом друг с другом, облокотились руками на землю и их глаза невольно устремились в небо. Ветерок нежно ласкал лица обоих, снимая с них тяжесть прожитого ранее. Как человек утром умывает свое лицо холодной водой, чувствуя, что смывает с себя сон, так и они, наслаждаясь дуновением ветра очищались от душевных переживаний и беспокойств. Снова наступило молчание. Природа успокаивала их, давая шанс остаться наедине с собой, но друг с другом. Далекие горы, величественные и столь живописные, внушали радостный всплеск эмоций у обоих. Как будто очутившись в сказке, они постепенно привыкали к ней и начинали думать, что так будет всегда.

Первая мысль о том, чтобы решить куда идти дальше, растворилась, как только они присели на траву. Мягкие зеленые волосинки казались для обоих природным покрывалом. А земля кроватью, которая в этот момент твёрдой совсем не казалась. Вся природа казалась правильной и естественной, в сравнении с деревенской местностью. Важные дела, обязанности и заботы, которые только могли быть у семнадцатилетних подростков, остались за спиной. А впереди начиналась успокаивающая и умиротворяющая зелёная гладь, густой лес и горный хребет – природа, которая за всей показной красотой скрывала необъяснимые процессы и явления.

Наргиз легла на траву, а Арман засмотревшись на горы, сразу этого не заметил. Устремив взгляд к вершине невообразимо гигантской горы Арарат, он вдруг снова почувствовал, что остался совсем один. Но это ощущение пропало, как только он услышал шуршание травы под телом девушки. Арман проснулся от своего сна наяву и повернулся к Наргиз. Она лежала на траве с закрытыми глазами. Лежала, словно пытаясь, что-то услышать в тишине луга. Арман загляделся. Он смотрел на нее, не отрываясь. Рядом с ее лицом росла мать-и-мачеха. Маленький желтый цветочек нисколько не мешал ей, не щекотал щеку, она вряд ли знала о его существовании.

Арман внезапно, не отдавая себе отчёта в собственных действиях потянулся к цветку и аккуратно сорвал его, тихонько коснувшись щеки девушки своей рукой.

Она открыла глаза и посмотрела на Армана вопросительным взглядом. Он вдруг зарделся. Юноша не смог выдать из себя ни слова. Как только Наргиз увидела в его руках цветок, она сразу приняла его касание, как непроизвольное и посмотрела на небо.

Солнце ярко светило над их головами. Арман понюхал мать-и-мачеху машинально, хоть и знал, что запаха она не имеет. Это действие успокоило его. Наргиз улыбнулась, когда увидела, что он нюхает цветок, который не пахнет, но ничего не сказала. Арман выбросил растение за спину и улёгся рядом с ней. От нее пахло каким-то цветочным ароматом. Он закрыл глаза и попытался определить запах, но так и не сумел. Да это было и не важно. В этот момент Арман ощущал ее присутствие лучше, чем, когда бы то ни было. Сердце заколотилось быстрее. Пленительный запах тянул его к ней все сильнее и сильнее. Ему хотелось пододвинуться поближе, прижаться плечом к плечу, а потом и обнять Наргиз. Он вдруг осознал, что не имеет права так поступать и открыл глаза. Наргиз смотрела на него. Она приподнялась и смотрела прямо ему в глаза, как будто что-то от него хотела.

– Чего? – спросил Арман и сразу почувствовал себя дураком.

– Да так, почему ты до меня дотронулся, ведь не из-за цветка?

– Не знаю.

– Может ты хотел?

– Может быть.

– Может быть ты еще хочешь?

Арман промолчал. Он так боялся сказать что-нибудь и все испортить, что предпочёл просто ничего не отвечать.

– Хочешь? – настаивала она.

– Да.

– Мало ли. Не делай так больше.

– Хорошо.

Наргиз испугалась, когда почувствовала на щеке тёплую нежную руку. Она так нервничала, что сама не понимала, как ей поступить в этой ситуации. Девушка легла на траву, но не отодвинулась.

– Наргиз, а тебе не интересно, как образовался алмаз? – сказал Арман, неосознанно снимая напряжение.

– Это такой камень, который самый красивый на свете?

– Да.

– Ну и как же?

– В недрах земли, то ископаемое, которое мы называем графитом подверглось сильнейшему давлению и превратилось в алмаз.

– Графит, тот что в карандаше? Ну это уж совсем глупость какая-то.

– Его кристаллическая решётка... ах, ну проще сказать внутренняя структура сжалась и стала более плотной, превратившись в то, что сейчас богатые люди носят на пальцах и ушах.

– Все это ерунда, не верю ни единому твоему слову.

– Твое право, только вот наука пустых выводов никогда не делает, а человек не осведомлённый очень даже делает.

– Ну то, что ты хотел сейчас сказать, я очень хорошо поняла. Твой вывод такой, что я тупая, да?

– Нет, я так не думаю.

Они замолчали. Но молчание продолжалось не долго. Арман пытался сдерживаться и не впадать в отчаяние, но все же порой так сильно пытался не думать о чем-то предосудительном, что просто не знал куда деться от тревоги внутри.

– Так скучно, – сказала Наргиз, желая только того, чтобы Арман снова к ней невзначай прикоснулся.

Арман в момент остыл, он подумал о том, что теперь она только все портит. И впечатления от природы, и воодушевление от научных открытий прошлого, которые он часто муссировал в своей голове.

– Я уже есть хочу, пойдём домой.

– Если хочешь, но давай еще немного поваляемся на солнышке.

– Только немного, – согласилась Наргиз и снова воспылала.

– А ты знаешь, как и где образовалось золото?

– Нет, а что должна?

– Пожалуй, что нет, но, если тебе интересно, я могу рассказать.

Она вдруг повернулась к нему и облокотилась на локоть. Он посмотрел на нее краем глаза и замер.

– Чего опять?

– Да ничего, голова немного кружится от постоянного лежания.

Арман тоже привстал и повернулся к ней.

– У меня тоже.

Он посмотрел ей в глаза, она отвела взгляд, а потом снова на него посмотрела.

– Как образовалось золото? – сказала она тихим голосом

– Золотой самородок – это результат соединения элементов внутри звезды благодаря большой температуре

– Золото образовалось в звезде! Как бы я хотела тебе поверить.

– Так поверь, что тебе мешает?

Он посмотрел на нее ясным взглядом и сам того не осознавая застал ее врасплох. Она глядела на него не отрываясь, словно желала чего-то, о чем нельзя сказать вслух.

– Можно? – спросил Арман

– Еще чего!

Наргиз вдруг поднялась на ноги и сказала:

– Ну все, я здесь лежать больше не могу, либо пошли домой, либо пошли посмотрим лес

Арман молчал в недоумении. «Что я опять сделал не так? – спросил он у самого себя и ответа, как ожидалось, не нашел.

– Ну пойдем в лес тогда.

– Пошли.

Не дожидаясь пока он поднимется Наргиз зашагала к лесу. Арман нехотя встал на ноги и, как баран пошел за ней в сторону леса, совсем этого не желая. Лес казался ему теперь устрашающим, ужасным местом, где может произойти все что угодно. Но он понимал, почему Наргиз так интересуется этот лес. Ведь авантюризма ей было не занимать. Она то шла медленно, то ускорялась, словно хотела быстрее достигнуть того места, куда ее так непреодолимо тянуло любопытство и крайний интерес. Этими мыслями о приключениях она пыталась отвлечься от неудавшегося свидания. Идти быстрее ее порой заставляло желание отделиться от Армана. Теперь она ощущала к нему неведомую неприязнь, которая забывалась, когда юноша неожиданно начинал рассказывать ей о науке. Наргиз не знала точно, как называлась эта наука, но в устах Армана вся информация, которая была с ней связана, казалась довольно интересной.

– Арман, а расскажи еще что-нибудь? – сказала она, когда юноша с ней поравнялся.

– Что, например?

– Ну не знаю, что-нибудь про земные пласты.

– Земные пласты это по сути земная кора, которая разделена длинным швом. Она может уходить под океан или быть на суше, но функции ее от этого не меняются. Точнее у нее нет никаких функций, это лишь только наше предположение, по-другому проекция. Кора образовалась в результате долгого процесса, о котором ученые знают не слишком много, чтобы с точностью принимать какую-либо теорию.

– Подожди, ты сказал, что они разделены швом?

– Да... – Арман вдруг замешкался, взглянув на Зеленую яму – слушай, а может быть здесь обойдём лес. Там за ним другой есть.

– Зачем?

– Не знаю, просто для интереса.

– Ну давай обойдём.

Они пошли на право, огибая лесок.

– Так вот, шов этот – место столкновения двух различных пластов, например, тихоокеанского и североамериканского пластов. На стыке двух гигантских пластов замирает огромная энергия и когда, спустя много лет эта энергия высвобождается путём постепенного расхождения пластов, происходит землетрясение, которое разрушает города.

– Как это невероятно звучит!

– Это точно, природа невероятно во всех своих проявлениях.

Они шли рядом с лесом, но не заходили внутрь, следуя по пути к другому более обширному. Порой Арман заглядывал внутрь и пытался отыскать глазами тот вход и тропинку, ведущую вглубь Зеленой ямы, которую вчера он обнаружил на свое несчастье. Он следил за Наргиз, опасаясь того, что она вдруг захочет пойти туда.

– Хотела бы я говорить так, как ты.

– Это как, так?

– Умными словами.

– Это все книги, я их много читаю, конечно порой приходится помогать по дому, но как-то нахожу время для книг.

– А я, честно признаюсь, вообще никогда книг не читала, мне только бабушка в детстве сказки рассказывала.

– Ну в этом ничего плохого нет.

– Почему?

– Каждому свое.

Они еще долго обходили лес, болтая о разных вещах. Жизнь у обоих текла похожим образом, не считая того, что Арман занимался самообразованием с детства, а Наргиз гуляла и даже не задумывалась о том, что нужно что-то читать и изучать. Хотя Наргиз в душе была исследовательницей. В детстве она все время норовила убежать куда-то далеко. Дед порой сам водил ее, показывал горы, рассказывал про войну и Арарат. После таких походов с дедом внутри у нее возникало желание самостоятельно исследовать мир. Но с приходом подросткового возраста в ее жизни все изменилось. Она стала ощущать себя девушкой, и все свои старания направила на женские обязанности и на прихорашивание.

Шли они довольно долго. Как только перед глазами показался обширный лес они в туже минуту свернули к чаще. Они не хотели заходить слишком далеко, углубляться в дебри сосновых и еловых деревьев, поэтому договорились немного пройти сквозь деревья в те места, где можно было увидеть поле и найти тропинку к нему.

Слишком долго они шли вдоль леса, не решаясь углубляться. Солнце постепенно садилось, прячась за высокими изогнутыми соснами и шапками ёлок. Тень от деревьев заходила все дальше на просторы поля.

Они остановились у открытой чащи.

– Может быть сюда зайдём? – сказал Арман

– Не знаю, что-то уже темнеет, пойдем лучше обратно.

– Ну как хочешь.

– Нет, хотя подожди, как бы можно зайти, но я боюсь.

– Не бойся.

– Ты что, дурак?

– Нет.

– Попробуй сам не бойся. Ладно, давай, пошли уже скорее и потом пойдем домой.

Они прошли по тропинке в чащу леса. Зашли они сравнительно недалеко. Тропинка вела через лес к другому его концу, но ни Наргиз, ни Арман об это не знали. Поэтому они бы никогда не решились пойти по тропинке вглубь.

– Слушай Арман, ты чувствуешь?

– Что именно?

– Как здесь дышится, – она подняла взгляд на макушки деревьев и вдохнула воздух носом.

– Может быть, кажется тоже чувствую.

– Да ничего ты не чувствуешь, просто обманываешь, – сказала она, смеясь, и игриво толкнула его в плечо.

В этот момент, не заметив корня под ногами, Наргиз задела его носком и упала на землю, приземлившись на колени. Арман перепугался и потянулся к ней, но поздно. Она упала и ободрала правую коленку. Девушка села на землю и обхватила руками ноги. Арман опустился на корточки. Сначала он посмотрел на ее разодранную коленку, потом на лицо. Наргиз заплакала от боли и неожиданности.

– Господи, как же ты так?

Она ничего не отвечала, а лишь тихонько плакала и аккуратно отряхивала колени от земли.

– Ну не плачь, ничего страшного, пройдет.

Она его не слышала. Тогда он решил немедленно что-то сделать. «А что сделать? – подумал он – что-то нужно!» Он сел напротив нее и аккуратно, почти не дотрагиваясь до ноги, прикоснулся к ней губами. Наргиз внезапно перестала плакать. Она посмотрела на Армана большими заплаканными глазами.

– Ну не стоит, не плачь, пожалуйста.

– Поцелуй меня, – сказала она вдруг.

– Ладно.

Он подполз справа. Она повернула к нему голову. Арман потянулся к ней и осторожно прикоснулся своими губами к ее губам, потом отпрянул.

– Тебе легче?

– Да.

– Наргиз, рану нужно дезинфицировать, пора возвращаться домой.

– Пойдем.

Арман поднялся на ноги. Наргиз тоже аккуратно поднялась. Он взял ее под руку и повёл.

– Ты меня поцеловал из-за жалости?

– Нет!

Весь остальной путь они проделали в молчании. На небе появилась луна. Пройдя по кромке леса, они вышли на тропинку, ведущую к деревне. Они шли очень тихо и аккуратно. Поэтому долго. Наргиз прихрамывала на одну ногу. Девочка больше не плакала. Она держалась за Армана и спокойно передвигалась.

В сумерках были видны только очертания холмов. Горы и лес остались позади. Арман ни о чем не думал. Все его внимание было сосредоточено на Наргиз. Он порой смотрел на ее ободранную коленку, но в темноте видел лишь тёмное пятно.

Первый дом показался, когда уже совсем стемнело. Они поднялись на холм, пройдя между больших камней. Арман довёл Наргиз до дома. Он открыл ей калитку, и ждал, пока она войдёт. Когда она зашла, он прикрыл калитку и уже собрался уходить, но немного поразмыслив, решил еще немного постоять около забора. Арман смотрел, как Наргиз тихонечко идет к дому, прихрамывая на правую ногу и все еще не мог поверить, что ее поцеловал. Наргиз скрылась в дверном проеме, и он направился домой.

Когда Арман дошел до своего дома, то почувствовал усталость в ногах и спине. Пока он шел, поддерживая Наргиз, такого ощущения не возникало, но сейчас, когда кровать была уже близко, и телом и разумом Арман желал отдохнуть.

Он зашел в дом. На кухне никого не было. В гостиной спал отец. Его удивило то, что и мать и Лусине уже спали. Когда Арман проходил мимо гостиной, он вдруг услышал голос отца. Тот проснулся от топота в коридоре.

– Арман?

– Да пап?

– Почему так поздно?

– Ничего не поздно.

– Арман, нам завтра... – говорил отец в полудреме – на днях мы с тобой пойдем на охоту, так что готовься.

– Хорошо пап, как скажешь.

– Да, как скажу, ложись, давай.

– Ложусь, спокойной ночи, пап.

– Спокойной.

Арман проследовал к себе в комнату. Лёг на кровать и еще несколько часов не спал, вспоминая мгновенный мимолетный первый в его жизни поцелуй. Потом он крепко заснул.

ГЛАВА 3

Этой ночью Арману было трудно заснуть. Он поворачивался то на одну, то на другую сторону. Ложился по диагонали. Мял подушку, выкидывал ее на пол и пытался спать на голом матрасе. Что-то его беспокоило, только вот он не мог понять, что именно. В голове проскальзывали мимолетные мысли о прошедшей встрече с Наргиз. В особенности он вспоминал один момент. И этот момент, как на испорченном киноаппарате зацикливался у него в мозгу каждый раз, когда он более ли менее погружался в дремоту. По его телу, словно электрический ток, прокатывалась волна, и Арман просыпался, негодуя на себя и на свою голову. Единственной отрадой для Армана этой ночью были другие воспоминания о Наргиз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.